

Юрий

Поляков

*«Куда влечет нас
рок событий?..»*

Созидательный
реванш

Геометрия любви

Юрий Поляков

Созидательный реванш

«Издательство АСТ»

2015

УДК 821.161.1-92
ББК 84(2Рос=Рус)6

Поляков Ю. М.

Созидательный реванш / Ю. М. Поляков — «Издательство АСТ»,
2015 — (Геометрия любви)

ISBN 978-5-17-082187-7

Юрий Поляков не боится предстать перед читателем в развитии. Его ошибки, заблуждения, метания, оболыщания, разочарования происходят не от желания приспособиться, прильнуть, «встроиться», а от стремления разобраться в том, «куда влечет нас рок событий?» В сущности, тот путь, который за минувшие тридцать лет проделал молодой «прогрессивный» прозаик, пытавшийся лечить советскую власть с помощью агрессивной правды, прошла и вся думающая часть нашего общества. Мы поняли: если на наручниках выгравировано слово «свобода», они от этого не перестают быть наружниками. Мы все изменились. В настоящий том вошли интервью с 2006 по 2014 г.

УДК 821.161.1-92
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-082187-7

© Поляков Ю. М., 2015
© Издательство АСТ, 2015

Содержание

2006	6
Интервью поклонника	6
Текила с грибами	9
В России появились писатели, которым не грозит забвение	12
Зависеть от жюри? Зависеть от народа?	14
Замыслил Я...	16
«Я всегда писал о том, что мне не нравилось...»	17
Писатели и ПИПы	18
«Герой в первую очередь должен быть живым...»	19
«Есть виды зла, которые жиреют от публичности»	20
Писатель как геополитик, литература как «белый» кардинал	22
Будь здоров, больной!	22
Без пушкинистов не обойтись	22
Пей, но дело разумей	23
Читатель, ПИП рядом!	25
«За роскошь говорить правду надо платить!»	28
«Я человек советской цивилизации...»	34
Поляков сдал мужиков с потрохами!	38
О кризисе среднего возраста	38
О вреде побегов	39
О верности партии и жене	40
Об институте брака	40
«Нынешнее поколение литераторов думает, что оно упало с неба...»	42
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Юрий Поляков
Созидательный реванш
сборник интервью

© Поляков Ю.М

© ООО «Издательство АСТ», 2015

* * *

2006

Интервью поклонника

Когда мы приглашали активных членов Всеавстрийской ассоциации российских соотечественников на встречу с известным русским писателем и главным редактором «Литературной газеты» Юрием Поляковым, Дмитрий Назаров ответил, что он и его жена придут с большим удовольствием, так как являются ярыми поклонниками писателя, имеют все его книги и внимательно следят за его творчеством. Тогда пришла идея – поручить интервью с Юрием Поляковым именно Дмитрию Назарову, который отлично владеет темой. Он с удовольствием согласился.

– Вы дебютировали как поэт, выпустив в тысяча девятьсот восьмидесятом году в издательстве «Молодая гвардия» стихотворный сборник «Время прибытия». Основной же массе читателей вы, в первую очередь, известны как прозаик, автор остро социальных произведений советского периода, таких как «ЧП районного масштаба», горбачевской перестройки – «Апофегей», постперестроечного времени – «Замыслил я побег...» и многих других. Тем удивительнее для меня было прочитать аннотацию издательства «Молодая гвардия» к вашему последнему произведению, в которой вас представляли чуть ли не как автора дамских романов: «произведения писателя объединяет его неизменный пристальный интерес к вечным проблемам изменчивого семейного счастья. Разгадывая загадки супружеских измен, Юрий Поляков завораживает читателя закрученным сюжетом и утонченной эротикой». Насколько вы согласны с подобной оценкой своих произведений?

– Ответ на этот вопрос очень прост: издаваемые книги надо продавать. Те, кто знаком с моим творчеством, следит за книжными новинками и сами сделают вывод о мнимых и реальных достоинствах моих произведений. Других же покупателей издатели привлекают броской рекламой.

– Вы стали прагматиком, а раньше слыли скорее бессребреником, борцом за общечеловеческие либерально-демократические ценности.

– Я бы скорее назвал себя принципиальным человеком. Мне не нравилось многое в советской власти, и я критиковал ее в своих книгах. Но я также был резко против грабительских методов приватизации, приведших к обнищанию народа в девяностых годах.

– Пять лет назад вы стали главным редактором «Литературной газеты». Вы руководите своим коллективом с тех же позиций?

– Конечно. Я постарался подняться над келейными идеологическими течениями и разногласиями и предоставить страницы газеты талантливым авторам разной политической ориентации. Пришлось, конечно, преодолеть определенное сопротивление коллег по редакции. Так, например, однажды ко мне обратился литератор с жалобой на сотрудника, не принимавшего от него статью к юбилею Михаила Шолохова. Я вызвал этого сотрудника, попросил разъяснить ситуацию и в ответ услышал, что публикация каких-либо материалов «об этом сталинском подголоске» возможна только через его труп. Пришлось расстаться, а статья о гениальном писателе была опубликована. В раже идеологических разногласий нельзя вместе с водой выплескивать и ребенка. Вот почему я, например, против сноса памятников в России. Может, кому-то и не стоило ставить памятник, но раз поставили, то пусть стоит. Не надо уподобляться большевикам и подчищать историю!

– Вы могли бы обозначить свою политическую платформу?

– Я консервативный либерал. Мне было больно смотреть на распад СССР, на развооружение России в девяностых годах. Сейчас наступило время консолидации патриотических сил и подъема государственности. Однако начавшийся процесс «разолигархивания» России не должен пойти по пути раскулачивания. Но я должен оговориться: политика – не мой удел. Политикой в чистом виде я занимался только раз и то при курьезных обстоятельствах. В две тысячи первом году я был доверенным лицом кандидата в президенты России Станислава Говорухина. В разгар предвыборной кампании Говорухин поскользнулся в бане и сломал несколько ребер. Пока он лечился, мне пришлось самому выступать перед избирателями на предвыборных митингах и собраниях. Я так увлекся этим делом, что излагал избирателям скорее свою политическую позицию, чем программу зарегистрированного кандидата. Говорухин, недолечившись, вышел из больницы и набрал на выборах один процент.

– *Юрий Михайлович, вернемся к вашему литературному творчеству. Чем вы сейчас радуете своих читателей?*

– Недавно вышла моя новая книга «Грибной царь», и пока она бьет все рейтинги продаж. Это и психологическая драма с настоящим «героем нашего времени», и классический детектив, где тайна раскрывается на самых последних страницах, и история любви, и сатирический портрет современного общества со всеми его бедами и пороками, спасти от которых может лишь мифический Грибной царь.

– *Я слышал, что сейчас на экраны российских кинотеатров выходит новый фильм по одному из лучших, на мой взгляд, ваших произведений – «Парижская любовь Кости Гуманкова». Сохранит ли киноверсия сочетание острой социальной критики и искрометной комедии?*

– Я не принимал непосредственного участия в создании фильма, а только дал несколько рекомендаций. Для актуализации повествование ведется от имени главного героя, вспоминающего в наши дни о своих злоключениях конца восьмидесятых. А в качестве собеседника, слушающего исповедь Гуманкова, сценаристы выбрали, как вы думаете кого?

– *Даже не представляю.*

– Короче. Бывший неудачник Костя Гуманков становится руководителем крупной фирмы. Готовясь к взлету с Парижского аэродрома, пилот его личного самолета получает сообщение администрации аэропорта с просьбой взять на борт отставшего от рейса русского писателя.

«Как зовут?» – лениво спрашивает Гуманков.

«Какой-то Поляков».

«А-а, это тот, который писал про комсомол и советскую армию. Ладно, возьмем. Если бы был журналист, то не взял бы».

Во время полета Поляков и Гуманков разговорились, и Костя поведал печальную историю своей парижской любви. Узнав, что с тех пор они ни разу не виделись, Поляков посоветовал ему навестить давнюю пассию.

«Я уверен, вы вылечитесь от своей застарелой хандры, увидев ее – постаревшую...»

Гуманков, вернувшись в Москву, пришел с букетом цветов по адресу своей бывшей возлюбленной и позвонил в дверь. Камера показывает происходящее в квартире: бывший директор ликвидированного НИИ кричит своей жене пьяным голосом: «Открой дверь!» Та отвечает ему из кухни: «Сам открой, пьяница проклятый!» Гуманков слышит эту перебранку. В итоге дверь открывают, но за ней никого нет, только на полу лежит букет цветов.

– *Последние традиционные вопросы. Над чем вы работаете сейчас?*

– Новая повесть будет называться «Гипсовый трубоч». Помните скульптуру горниста в пионерлагере? Это пока все, что я могу сказать об этом замысле.

– *Вам понравилось в Вене?*

– О да! Это город, куда хочется возвращаться.

Беседовал Дмитрий НАЗАРОВ «Венский инициаль», № 1, январь 2006 г.

Текила с грибами

Мы встретились с писателем Юрием Поляковым в счастливый момент – только-только у него вышел новый роман «Грибной царь» и сразу занял 1-е место в рейтинге продаж. Значит, читают, значит, любят, несмотря на противоречивые, полярные отзывы о его книгах!

– Юрий Михайлович, хочу сделать комплимент: выглядите вы отлично, будто нет за плечами «Грибного царя», да и пишется, кажется вам сейчас легко.

– Хорошие книги всегда писать трудно, и внешний вид здесь ни при чем. Есть графоманы, а выглядят так, будто через пять минут умрут от творческого истощения, но читать их невозможно, так как пишут левой рукой или ногой. Как известно, один из лучших стилистов американской литературы Френсис Скотт Фицджеральд был человеком светским, весьма аванажным. Один из лучших стилистов английской литературы – Оскар Уайльд вообще был денди, эстет. А тончайший Эдгар По чуть ли не бомжевал. Одно с другим не связано. Серьезная литература всегда пишется тяжело, трудно, многовариантно. Бывают, конечно, озарения, особенно у поэтов, но этому предшествует обычно долгая работа над собой.

– В чем секрет вашей популярности?

– Действительно, я один из немногих писателей, сохранивших известность с советского периода. Нас мало таких. И объяснение тут вот в чем. Во-первых, я писал только то, что меня по-настоящему волновало. К примеру, судьба молодого человека, попавшего в армию, в которой я сам служил. Так появилась повесть «Сто дней до приказа», хотя отлично знал, что тема закрытая. Меня волновало разложение комсомольского аппарата, так как я был связан с комсомолом, – я написал и об этом – «ЧП районного масштаба», совершенно не думая, напечатаю книгу или нет. Когда советскую власть свергли, и наступила ельцинщина, мне не понравилось, что происходит, я написал и об этом, хотя знал – по головке не погладят. А поскольку я нормальный человек, то потом выясняется: то, что волнует меня, волнует и большинство.

– И поэтому вас часто обвиняют в конъюнктуре.

– Естественно, потому что я попадаю в тему. А в тему я попадаю только потому, что специально ее не высчитываю, не думаю – как посмотрят критики, дадут ли Госпремию, не осложнятся ли отношения с властью. Вот первый момент. Второй: я всегда помню, что книгу не только пишут, но и читают. Большинство нынешних писателей – я не беру в счет изготовителей коммерческой книжной продукции – даже талантливые, иногда забывают, что книгу будут читать. И читать ее должно быть интересно, так как занимательность – вежливость писателя. Если же это не интересно, то твоя книга – не художественная литература, а философский трактат, публицистическое эссе. Если ты пишешь художественную литературу, беллетристику, изящную словесность, как говорили, она обязана быть интересной.

– Мы жили в СССР, теперь – в России, но проблемы, поставленные в ваших книгах, остались, ничего не изменилось, возьмем хотя бы «Сто дней до приказа»...

– Изменилось, изменилось – в том смысле, что, когда я написал «Сто дней» в восьмидесятом году и напечатал в восемьдесят седьмом, эта вещь рассматривалась на самом высоком уровне, обсуждалась чуть не на Политбюро. Теперь вы можете написать любые разоблачительные материалы об армии – никто и ухом не поведет.

– Народ хочет отвлечься от забот – его мало что интересует, если только «Дом-2».

– Конечно, людям всегда надо отвлекаться, но не настолько, чтобы забыть, где они живут, и для чего, и что будет с ними и с их детьми.

– За пятнадцать лет устали, занялись собой, по-моему, все – и читатель и власть.

– Есть читатель, и есть власть. Власть сейчас на печатное слово почти не реагирует. Только на то печатное слово реагирует, которое сама и организует. Это неправильно, так как печать, литература – очень тонкая сигнальная система, чувствующая какие-то социальные изменения задолго до того, как они выходят на поверхность. И умный политик будет читать художественную литературу, чтобы понимать, с какой проблемой он столкнется через лет пять-десять. А народ устал, понятно, но это не значит, что его надо оглуплять и отключать от решения серьезных проблем. Просто надо с ним нормально разговаривать.

– *Вот и разговаривают – с помощью сериалов, «Пяти вечеров», «Принципа домино».*

– Проблема нынешнего телевидения заключается в том, что им руководят люди, пришедшие в начале девяностых годов. Люди другой эпохи. Эрнст создал антигосударственное телевидение. Когда шел развал государства в девяностые годы, он был востребован.

– *Так он и сегодня востребован, новыми властями!*

– Вот это и удивительно! Вроде бы начался период медленного восстановления государства, а телевидением руководят люди с разрушительной психологией, ничего не изменится. В этом виновата власть.

– *У лучших ваших героев – в душе разлад, они не понимают, как поступить правильно. Ощущается, что и у вас на душе... беспокойно.*

– Задача настоящей литературы – отобразить внутренний мир человека определенного времени, страны, и естественно, что литературу интересуют прежде всего конфликтные ситуации.

– *Но ведь это очень болезненно – пропускать все через себя.*

– И больно, и болезненно. Но что поделаешь? Поэтому я и пишу один роман в четыре года, и одну пьесу в два, а не по четыре романа в год, как некоторые. Да, я переживаю, я переделываю, пишу подолгу. Другое дело, эти романы потом много раз переиздаются, экранизируются, переводятся. Мой роман «Козленок в молоке» выдержал уже двадцать шесть изданий! Я не ожидал такого успеха.

– *Почему так хороши у вас дела с изданием книг и хуже – с телевидением и театром.*

– С ТВ все понятно: картина России, которую предлагаю я, идет вразрез с той, которую предлагает телевидение. Оно делает вид, что нет трагедий миллионов обманутых людей, которых обобрали, сбросили с определенного социального уровня. Я пишу о реальной России. Поэтому вырезаются сцены из фильма «Замыслил я побег», поэтому долго не хотели показывать «Козленка в молоке» – спасибо Олегу Попцову и ТВЦ. Ведь в «Козленке» мы смеемся над тем, перед чем сегодня ТВ стоит на задних лапках. Спектакль «Хомо эректус» – отдельная история: там идет речь о конфликте, который стараются умолчать – между тем, кто обворовал, и кого обворовали.

– *В результате, оказывается, плохо всем.*

– Человек, обворовавший других, в конечном счете, обворовывает сам себя – если не в материальном, то в моральном смысле. И рано или поздно наступает расплата. Если не для него, то для его детей. Моя проблема связана с тем, что я реалист. И пишу о реальной жизни, реальных конфликтах, поэтому я всегда вхожу в противоречие, как с коммунистической идеологией, так и с либеральной. Когда император Николай Павлович посмотрел «Ревизора», то сказал: «Здесь всем досталось, а мне больше всех». Сатира и должна быть такой, чтобы всем досталось. Другое дело, что наши государи не ходят в театры. А если ходят, то на разную ерунду!

– *Вы человек общающийся с властью, вы видите какое-то движение вперед?*

– Весь ельцинский период я был в глубочайшей оппозиции и понимал, что с этой властью, с этим президентом никогда сотрудничать не буду. Когда появился Путин, я увидел, что он начал медленно, задним ходом, отводить государственную машину от пропасти, и понял, что

надо помогать. Но я-то думал, это движение будет набирать обороты, силу... К сожалению, оно начало «затухать», и это меня беспокоит.

– *И что еще беспокоит?*

– Многое. Первую главку статьи «Зачем вы, мастера культуры?» я назвал «Молчание «кремлят». Ведь за все предшествующие годы в посланиях президента не было сказано ни слова о культуре. В новом романе «Грибной царь» есть сатира на власть, на ее недееспособность, на ее игры в политехнологии... В жизни, по отношению с людьми – я человек толерантный, всегда найду компромисс и никогда не полезу на рожон... Худой мир лучше доброй ссоры. Но как только сажусь писать, для меня абсолютно перестают существовать внешние условия: кто что скажет, кто что подумает.

– *И как реагирует жена на обилие эротических сцен?*

– Когда пишу, ощущаю себя неженатым человеком, так как любая, даже самая толерантная жена, всегда читает сочинения мужа-писателя как вещественное доказательство его внебрачной жизни. Если об этом думать, то ничего хорошего не выйдет. Я знаю неплохих писателей, у которых никогда не получались любовные сюжеты, только из-за того, что они боялись огорчить любимых жен. В результате огорчали читателя и обеднили собственное творчество.

– *Что сейчас может сделать писатель, вы, в президентском совете?*

– Прежде всего, привлечь внимание власти к каким-то проблемам. Наша власть в вопросах культуры мало понимает. Например, мы обратили внимание на то безобразие, которое творится с Госпремиями. Недавно ее дали слабенькому писателю, который занимался квартирным риелторством и помог нескольким членам комиссии удачно продать и купить квартиры. Об этом написала «Литературная газета», и сейчас статус и порядок присуждения премий меняется. Моя задача в совете добиться от власти равноценного отношения ко всем направлениям культуры. Начиная с девяносто первого года, у нас существовал перекос в сторону либерализма и эксперимента. Государство должно быть равноудалено от всех направлений культуры. И не должно быть так: он хороший писатель, но консерватор, и мы ему премии не дадим. А ведь было! Пятнадцать лет так было...

– *Как вы отдыхаете, приходите в себя?*

– Я живу в Переделкино и зимой хожу на беговых лыжах. У меня прямо за калиткой начинается лес, и я не меньше трех-четырёх раз в неделю хожу на лыжах. Летом я практически каждый день гуляю с собакой по лесу, час-два. Очень хорошо меня расслабляет и приводит в хорошее самочувствие сбор грибов. И опыт грибника я частично использовал в моем последнем романе. Люблю слушать классическую музыку. Если же все это не расслабляет, приходится прибегать к более сильнодействующим средствам. К текиле, например.

Беседовал Игорь ГАВРИКОВ «Лица», февраль 2006 г.

В России появились писатели, которым не грозит забвение

23 апреля – символическая для мировой литературы дата: в этот день в 1616 г. умерли Сервантес, Шекспир и Инка Гарсиласо де ла Вега. Это также день рождения или смерти таких известных авторов, как Морис Дрюон, Х. Лакснесс, Владимир Набоков, Дж. Пла и Мануэль Мехиа Вальехо. Немудрено, что в 1995 г. в Париже Генеральная конференция ЮНЕСКО решила отдать дань уважения книгам и авторам, призывая всех, и особенно молодежь, находить удовольствие в чтении и уважать вклад тех, кто содействовал культурному прогрессу человечества. Поэтому был учрежден Всемирный день книг и авторского права. О том, как этот праздник отмечается в России, о перспективах развития литературы в нашей стране и о проблемах, с которыми сталкиваются литераторы, корреспондент «Утра» поговорил с известным российским писателем – прозаиком, публицистом, сценаристом – Юрием Поляковым.

– Юрий, Всемирный день книг отмечается вот уже одиннадцатый год. Но в России об этом празднике знают немногие. Как вы считаете, почему? С чем это связано?

– Это связано, прежде всего, с тем, что наше телевидение за исключением, пожалуй, канала «Культура» объявило бойкот настоящей книге. И пока эта ситуация не изменится, мы будем знать все о карнавалах геев и лесбиянок, фестивалях нудистов, праздниках русской водки, но ничего о Всемирном Дне книги. Заметьте, писатель как персонаж эфира фактически исчез, о жизни рассуждают в основном люди, которые, наверное, не прочитали в жизни ни одной серьезной книги.

– Как этот праздник в России отмечается, если он вообще как-нибудь отмечается?

– Насколько я знаю, этот праздник отмечается в библиотеках. Я сам принимал участие однажды в торжестве, посвященном Дню книги. Но все это локально, а должно быть в общенациональном масштабе. Ведь отчуждение от серьезной книги – путь к варварству.

– Принято у нас на Восьмое марта говорить о женщинах, на Двадцать третье февраля – о мужчинах, в День космонавтики – о Юрии Гагарине и о космосе. Давайте и мы не будем отходить от этих традиций, и в День книги поговорим о проблемах в области литературы. А их у нас, к сожалению, предостаточно. Не читает у нас молодежь серьезную литературу. В вагоне метро из тридцати читающих книги – двадцать восемь читают Донцову и лишь двое – учебники. Это не может не огорчать. Как вы считаете, с чем это связано? Почему у нас люди предпочитают так называемый «иронический детектив» и прочее «бульварное чтиво»?

– Это происходит потому, что у нас широко рекламируется только книжная продукция, а не литература. Только ПИПы (персонифицированные издательские проекты), а не писатели. Существует непонимание того, что книжный бизнес – дело особенное. Это как в фармакологии: лекарство должно продаваться и приносить прибыль, но оно должно при этом помогать человеку, а не вредить. Что касается иронических детективов, никакие это не иронические, а дурашливые детективы, ибо ирония предполагает ум, глубину, тонкость, а дурашливость – в наличии у любого глупца. Вот и появился вал книг, которые делают людей не умнее, а глупее. Кто-то, конечно, на этом зарабатывает, так как тянуть человека вниз легче, чем тянуть вверх. Но нация, в целом, от этого проигрывает.

– Кого сегодня можно назвать «модным автором»? Можно ли «модного автора» Оксану Робски считать литератором, писателем?

– Модные авторы появляются каждый месяц, и каждый месяц исчезают, а на хорошего писателя мода длится годами, десятилетиями и даже столетиями. Оксана Робски, по-моему, человек способный. В ее сочинениях есть жизненная наблюдательность и некоторые другие признаки литературы. Но литературы пока нет. Станет ли она писателем в полном смысле этого слова зависит от многого, и прежде всего, от самой Робски. Денежкина вот не стала...

– *Хочется верить, что в российской литературе не все так грустно и нам имеет смысл ждать хорошие и качественные романы. Научите, что делать молодым авторам, которые написали свой первый роман. Эту книжку уже прочла и восхитилась мама юного гения и теперь он уверен, что его шедевр должен стать достоянием общественности. Куда ему идти? С чего начать свой «звездный путь» писателя?*

– Если написано первое сочинение, надо обязательно показать его специалистам – писателям. Мамы и знакомые тут не авторитет. Диагноз, как и при болезни, ставит специалист, лучше всего обратиться в литературное объединение. Если же такого поблизости нет, то в местную писательскую организацию. И не обижаться, если скажут, что написанное никуда не годится.

– *Понятно, что путь у молодого писателя будет не только «звездным», но и «тернистым». С какими проблемами сталкиваются литераторы в России? Давайте попробуем «подстелить им соломки»?*

– Таких проблем много, особенно у начинающих. Прежде всего, не так просто заинтересовать своим сочинением издателей. Поток рукописей большой, часто в этой графоманской реке тонут стоящие рукописи. Я бы советовал, в таком случае, пробиться к серьезному писателю, которого молодой автор любит, уважает и попросить рекомендательное письмо. Уверяю, если вы талантливы (а для этого достаточно прочесть одну главу или несколько стихотворений), мэтр в поддержке никогда не откажет. Литературный талант такая же редкость, как безукоризненная женская красота. Далее – начинающему автору издатели норовят заплатить по минимуму. Поначалу в тактических целях с этим можно примириться. Но потом, когда придет первый успех, нужно добиваться достойной оплаты своего труда. Поэтому не мешает обзавестись опытным литагентом, но не таким, что надувает автора сообщая с издателем. И последнее: никогда не надейтесь на критиков, они болезненно завистливы и злобно необъективны. Ведь почти каждый критик – несостоявшийся поэт, прозаик, драматург. Из-за разгромной статьи критика не стоит пить не только валерьянку, но даже и водку, а все остальное зависит от таланта, трудолюбия и удачливости...

– *Есть ли у российской литературы перспективы развития? Как Вы считаете, уже родились новые пушкины, лермонтовы, толстые, Достоевские или нам не имеет смысла ждать гениальных авторов, чьими произведениями зачитывались бы из века в век?*

– Вполне возможно, что новые гении уже не только родились, но и делают первые шаги в литературе. Тот колоссальный слом, который произошел в России в девяностых годах, не может не вызвать к жизни крупных мастеров слова. Впрочем, и среди тех, чьи книги читают сейчас, есть по крайней мере несколько писателей, которым не грозит забвение.

«Утро. ru», апрель 2006

Зависеть от жюри? Зависеть от народа?

Писатель и драматург Юрий Поляков побывал в Тамбове не только для того, чтобы порадоваться за свою комедию «Хомо эректус», поставленную московским режиссером Кириллом Панченко на сцене Тамбовского театра драмы...

– Юрий Михайлович, как вы оцениваете тамбовский вариант вашей комедии, которая уже прошла обкатку в Московском театре сатиры?

– Во-первых, я рад, что тамбовский театр остановился на моей пьесе. В Москве можно поставить что угодно, но когда твоя пьеса идет в провинции, то это уже признание. Во-вторых, тамбовская постановка «Хомо эректус» мне понравилась, говорю это без всяких скидок на провинцию. Стильное оформление, оригинальное режиссерское прочтение. Еще ни один театр, поставивший мою пьесу, в накладе не остался. Думаю, что и в Тамбове зритель пойдет на спектакль...

– О том, что сегодня государство не обращает внимания на культуру, говорят и столичные режиссеры, и заведующие сельскими клубами. Обмолвились об этом и вы, заметив, что в советские времена положение было лучше. Но ведь тех же совписов тогда просто выстраивали в очередь: одних на получение сталинских и прочих премий, других – за «путевками» в Магадан. И сажали за слово не только в сталинские времена, но и в брежневские. В «золотом веке» русской литературы писатели если и «строились», то по своей воле, а цензура была гораздо либеральнее советской, и ни о каких-то грантах они не помышляли. Лишь собрание сочинений Пушкина посмертно было издано за счет казны, да еще Гоголь получал ежегодный «грант» к Рождеству от государя императора по двадцать тысяч рублей... В каком виде вам представляется взаимодействие государства и культуры в наше время?

– Представление о независимости писателей девятнадцатого века несколько преувеличено. Деятели культуры в той или иной степени были зависимы во все времена. В девятнадцатом веке писатели группировались вокруг журналов, причем так называемые прогрессисты находились в гораздо лучшем положении, чем, скажем, монархисты. Например, известный поэт-демократ Курочкин жил намного лучше, чем Достоевский. При советской власти писателей в очередь никто не выстраивал, они становились в нее сами, если, конечно, не ссорились с властью до смерти. Сегодня литературным трудом жить практически невозможно, и зависимость писателя ничуть не меньше, чем при советской власти. Нынешний литератор зависит от жюри различных конкурсов, от грантов. В писательском сообществе наблюдается жесткое идейное противостояние: с одной стороны патриоты, с другой – либералы. А премии достаточно внушительные, и они становятся основным источником существования, ибо тиражи серьезных романов не превышают 5 тысяч экземпляров. Что касается взаимодействия культуры с властью, то власть, прежде всего ее среднее звено, просто не понимает, что такое культура. Вот что, например, написали чиновники, присутствовавшие на форуме, посвященном формированию единого культурного евразийского пространства. Нет, вы только послушайте... «Цель форума: формирование цивилизованного рынка обмена гуманитарными услугами». А мы-то полагали, что культура – это форма существования нации. И пока культура будет восприниматься как «рынок гуманитарных услуг», ничего хорошего из этого не выйдет...

– В своей программной статье «Зачем вы, мастера культуры?» вы говорите о губернской литературе. Книги в провинции действительно выходят, причем на высоком полиграфическом уровне. Но их художественный уровень за редким исключением вызывает оторопь. Талантливые авторы в провинции есть, но, как сказал поэт, бездарности пробиваются сами,

«экономя» при этом на редакторах и корректорах. В основном они ходят по местным «олигархам» и вытраивают деньги на издания своей «нетленки». Что делать с этим явлением?

– Эта проблема непростая. Чтобы в ней разобраться, надо вспомнить о том, что прежде Союз писателей выполнял не только организационно-хозяйственные, фискальные функции, но и экспертные. И как бы мы ни относились к Союзу советских писателей, следует признать, что даже среди литературных «генералов» были если не гениальные, то крупные писатели. Тот же Михалков, Проскурин, Алексин, Марков... Они обладали достаточно высокой профессиональной подготовкой. Кроме этого, проходили совещания молодых писателей, существовали редакционные советы, которые помимо идеологического контроля осуществляли еще и профессиональный отбор. Да, молодому писателю трудно было издать первую книгу, но если она выходила, то это была качественная книга. Что касается идеологии, то она навязывалась, и писатели ее постоянно преодолевали посредством художественности. Сегодня, к сожалению, художественность ушла на второй план, главным стало то, к какому идеологическому лагерю писатель принадлежит. Идеологию не навязывают, наоборот, писатели жадно к ней припадают. Разрушено единое пространство, в котором было место и Битову, и Белову, и Искандеру. Хотя и в то время существовали западники и почвенники... И графоманская литература была всегда, но все понимали, кто есть кто. Сегодня необходимо объединение писателей в гильдию, которая защищала бы их профессиональные интересы, права на интеллектуальную собственность. Но главное – нет закона о творческой деятельности, она рассматривается как один из видов индивидуальной трудовой деятельности. Особенно это важно для провинциальных литераторов, в чем я убедился в ходе встречи с тамбовскими писателями.

– Кстати, о советской идеологии. Ваша повесть «ЧП районного масштаба», особенно после ее экранизации, стала событием. Как ей удалось обойти тогдашние «рогатки и препоны» цензуры?

– До этого, в восьмидесятом году, я написал повесть «Сто дней до приказа», мне ее отовсюду вернули. А «ЧП» я написал годом позже, отнес ее в журнал «Юность», там ее вроде приняли, но оттуда повесть попала в ЦК и там ее «зарубили». И вдруг в восемьдесят четвертом году выходит постановление ЦК партии о совершенствовании деятельности комсомола. А тогда было принято любое серьезное постановление каким-то образом художественно подкреплять. Обратились в журнал: нет ли у вас чего-нибудь критического о комсомоле? Нет, говорят... Есть, правда, повесть Полякова, но вы же сами ее запретили... А давайте, предлагают в ЦК, мы ее еще раз посмотрим, так сказать, в свете новых исторических решений. Посмотрели и сказали: а что, все правильно, давайте печатать. Позже повесть поставили в первый ряд перестроечной литературы, хотя в свет она вышла еще при Черненко...

– А что сегодня на рабочем столе писателя Полякова?

– Новый роман. Правда, если учесть, что я пишу долго, читатели смогут прочитать его в лучшем случае через год...

Беседовал Евгений ПИСАРЕВ «Российская газета – Черноземье», 18 мая 2006 г.

Замыслил Я...

Свою задачу замечательный писатель и публицист видит в возвращении интеллигенции из режима духовной гражданской войны в режим диалога. Представлять сегодняшнего гостя, пожалуй, излишне. Достаточно только сказать о нем как об авторе таких произведений, как «ЧП районного масштаба» и «100 дней до приказа»... После этого у него вышло множество других произведений: «Апофегей», «Парижская любовь», «Демгородок», «Козленок в молоке», «Небо падших», «Замыслил я побег»... Кроме того, на протяжении последних 5 лет этот человек является главным редактором «Литературной газеты», вернув ей за это время почти былую славу и тиражи. Да, у нас в гостях Юрий Михайлович Поляков.

«Литературка» – трибуна для всех направлений. И первый вопрос, с которого мы начали нашу беседу, касался его работы в качестве редактора:

– *Юрий Михайлович, так любимая многими «Литературка» была в очень серьезном кризисе, когда вы ее возглавили. Это был кризис идейный или журналистский?*

– Прежде всего, это был идейный кризис. С конца восьмидесятых она теряла тираж исключительно из-за того, что стала... моноидеологичной. Надо ли объяснять, что этой моноидеологией был либерализм, мягко скажем, не самое популярное в нашем Отечестве течение мысли. И когда я пришел, то решение было однозначным: «ЛГ» будет такой, какой была в лучшие времена: какой она была задумана Пушкиным, какой хотел ее видеть Горький, какой ее сделал вопреки цензуре Чаковский. То есть это будет газета, открытая всем направлениям мысли, которые бытуют в обществе.

– *Для кого ваша газета?*

– Наша газета сориентирована на российскую интеллигенцию: и в смысле читателей, и в смысле авторов. Главная наша задача – это возвращение интеллигенции, особенно творческой и научной, из режима духовной гражданской войны в режим диалога. Потому что те глобальные задачи, которые перед нами стоят, при таком расколе в интеллигенции не могут быть решены. Кстати, ТВ этот раскол старательно углубляет...

– *Значит, пришли вы в «Литературку», чтобы...*

– ...Если прямо, пришел я исключительно по идейным соображениям, понимая, что в заговоре молчания вокруг всех других направлений отечественной мысли и культуры, либерально-экспериментальных, надо пробивать брешь...

– *Получилось?..*

– Да. Более того, сейчас мы достаточно серьезно влияем на то же телевидение. Когда мы, например, устроили скандал из-за того, что телевидение «замолчало» смерть великого русского поэта Юрия Кузнецова, им там серьезно «нахлобучили...» И с тех пор они себе уже такого не позволяли. А то ведь привыкли: помер Вадим Кожинов – да наплевать, не наш ведь. Таким образом, появилась трибуна, с которой можно обращать внимание общества и власти на некорректность и перекосы, на необъективность вбрасываемой информации... Многим не понравилось.

– *А вы надеялись, что сбудется то, что задумывали?*

– А почему нет? К тому времени я успел побывать колумнистом в «Труде», «Собеседнике», «МК», и мои колонки были самыми рейтинговыми. Д. Быков до сих пор не может мне простить, что мои публикации в «Собеседнике», где он был штатным сотрудником, читателей интересовали больше, чем его. Это косвенно свидетельствует о том, что моя позиция, мое видение проблем более соответствует взглядам всего общества. А раз так, значит, рассуждал я, если

газету развернуть в соответствии с моими взглядами, есть шанс вернуть ей читательское внимание. Так оно, собственно, и произошло. Но конечно, с помощью коллектива «ЛГ», где трудились журналисты разных поколений и убеждений. Кстати, я убежден: в газете должны работать люди, исповедующие различные взгляды, тогда издание станет полифоничным и заинтересует читателя. Газета, набитая упертыми единомышленниками, обречена на упадок...

«Я всегда писал о том, что мне не нравилось...»

– *У вас репутация такого «последовательного фрондера»: в свое время вы взбудоражили всех «ЧП районного масштаба», потом вы стали последовательным борцом с нашим отечественным либерализмом... Как сейчас вы смотрите на то, что произошло со страной, и уютно ли вам живется в путинское время?*

– Я бы не сказал, что я был фрондером. Я просто всегда был верен традициям великой классической литературы и писал прежде всего о том, что мне в окружающей жизни не нравится. Тем более что Бог меня наградил сатирическим мировидением, а от сатирика трудно требовать, чтобы он кого-то славил... А в путинское время мне живется гораздо лучше, нежели в ельцинское, как и всякому нормальному человеку.

– *Политическая оппозиция не пыталась вас к себе приблизить?*

– Я участвовал в некоторых политических движениях. Например, в движении «За новый социализм», которое возглавляет Ю.В. Петров – первый из руководителей президентской администрации. Он ушел от Ельцина, когда понял: тому нужна только власть, пусть даже ценой гибели страны. Потом у меня был «роман» с «Единой Россией», которую я воспринял как долгожданную партию государственных интересов. Но при хорошей идее у них, по-моему, серьезная проблема с кадрами. Я очень сильно разочаровался, когда обнаружил, что председателем комитета по печати и коммуникациям стал телеведущий Комиссаров. Разве можно делать такие назначения, не посоветовавшись с профессионалами? А если вернуться к Путину... Вспомните, в каком положении была страна в 2000 году! Я сам пришел буквально на руины «ЛГ» и знаю, сколько сил ушло на то, чтобы сделать ее более или менее живым организмом. А ведь что такое «Литературная газета»? 50 сотрудников, одно здание... А теперь представьте себе: страна человеку досталась в таких же руинах, если еще не круче... И как это все сразу сделать? Одна из самых основных сегодня проблем у нас, на мой взгляд, – это отсутствие адекватного самоощущения, отсутствие нормальной государственной идеологии, отсутствие позитивной картины собственной истории и всего остального. Это все было старательно разрушено. Был подсунут народу черный миф о стране. Посмотрите, каких фильмов понасняли к 60-летию Победы! Такое самооплевывание невозможно даже в самых раздемократических странах! Увы, наша гуманитарная интеллигенция, допущенная в информационное пространство, страдает острой формой коллаборационизма. Возможно, именно с этим связан тот факт, что Путин во всех своих серьезных обращениях и посланиях постоянно обходит тему культуры. У меня даже статья «Зачем вы, мастера культуры?» начиналась так: «Вы будете смеяться, но в «Послании Президента Федеральному собранию» снова нет ни слова о культуре». Я думаю, это не от недопонимания, а как раз от понимания того, что в этой сфере настолько все тяжело, что прежде, чем что-то сказать, надо понять, что с этим делать! Потому что, на мой взгляд, даже деторождение в стране проще поднять, чем переориентировать нашу творческую интеллигенцию с саморазрушительной идеологии на нормальную, созидательную.

– *Это, наверное, хроническое...*

– Да, это всегда было, помните у Розанова: у одних «дорогая Германия», у других «любимая Франция», а у нас – «проклятая Россия». Это всегда было, но были и те, кто стоял на охранительных позициях. В чем, например, был смысл славянофильства? В укреплении национального государства, в обращении к русским корням, которые старательно искоренялись «жадной

толпой, стоящую у трона» и состоящей по преимуществу из немцев, поляков и «разных прочих шведов»...

Писатели и ПИПы

– Если обратиться к вашей писательской деятельности, то складывается впечатление, что популярность ваша несколько волнообразна. Всплеск популярности в восьмидесятых, потом некоторое затишье, сейчас снова ваши книги являются одними из самых рейтинговых. С чем это, на ваш взгляд, связано?

– Волнообразность – природная закономерность. И писательский труд тут не исключение. Но совсем уж провального времени у меня не было... Даже в самые тяжелые для нормальной литературы годы (например, в начале девяностых, когда людям было не до чтения – выжить бы!), у меня очень неплохо разошлись сборник «Сто дней до приказа» и новая повесть «Демгородок»... Конечно, в те годы я со своими взглядами оказался в определенной информационной блокаде, и о моих новых книгах просто неоткуда было узнать. «Литературка», после моей антиельцинской статьи «Оппозиция умерла. Да здравствует оппозиция!», вообще не упоминала моего имени. Для «Нового мира» я был слишком национален. Для «Нашего современника» не достаточно национален. Кроме того, у моих издателей оказалась не очень хорошая система распространения, и мои книги расходились в основном в Москве и Питере, а до регионов они, как правило, не доходили. Иной раз на читательской конференции где-нибудь в Пензе меня спрашивали: «Почему вы после девяносто первого не выпустили ни одной книги? Вас не печатают?» Сейчас, конечно, издатели другие и ситуация другая. Сказалось и то, что читатель уже перенасытился развлекательной литературой, тем, что я называю «ПИПовская книжная продукция». ПИП – это персонифицированный издательский проект. Есть серьезная литература, которая развивает язык, двигает жанр, занимается социально-нравственным анализом, является своего рода сейсмографом политической жизни... А ПИПы – это просто словесный продукт, заключенный в яркую обложку, это доходная профессия, но она к литературе не имеет никакого отношения. Точно так же, как кроссворд...

– А как вы относитесь к Акунину?

– Акунин – это приличный вариант «ПИПа»: образованный человек, японист, пишет простым, небогатым, но достаточно грамотным языком. Но не более того. Чтобы понять коммерческую природу его «исторических» детективов, достаточно сравнить его с настоящим историческим писателем, скажем, с Пиккулем. С помощью таких, как Акунин, у нас идет продуманное и абсолютно спланированное вытеснение из общественного сознания настоящих писателей «ПИПами». Ведь «ПИП» политически безвреден. Вы слышали от Акунина, чтобы он хоть раз дал какой-то комментарий к политической жизни страны, к каким-то экономическим процессам, культурным событиям? Никогда! Он будет говорить про своего Фандорина, еще про что-то, про то, какая у него трава на лужайке перед домом, куда он с женой съездил отдохнуть... Но только не о главном. Главная задача писателя и литературы, как ее всегда понимали в России, – будить мысль и совесть современников, противостоять власти, попирающей маленького человека. Акунину это не важно. Зато в день его пятидесятилетия чуть ли не все центральные газеты вышли с его портретом на первой полосе! Во время недавнего юбилея Солженицына вы много видели его портретов на первой полосе? Я не видел. Умер Розов. Вообще не заметили. Было 175-летие великого Лескова. Замолчали... А пятидесятилетие Акунина – это большое событие! Случайно? Конечно, нет! Ибо Акунин – это... такой Демьян Бедный нашего времени. А Демьян, между прочим, в двадцатые годы жил в Кремле, пока Сталин его оттуда не выпер. Так вот, задача «ЛГ» – напоминать о том, кто есть кто на самом деле. Мы пытаемся вернуть нормальную картину литературного процесса, нормальную творческую иерархию в сознание по крайней мере преподавателей-филологов. Потому что уже у многих поехала крыша.

Ведь если в телевизоре козодоем кричит Пригов – то вроде как он и есть главный сегодня поэт. Давайте его анализировать. А что там анализировать-то? Как, собственно, нечего анализировать у Акунина. Ведь в чем отличие писателя от ПИПа? Писатель, даже самый плохонький, он все равно пытается разобраться в мире и в себе. Это его задача. А потом он уже думает про гонорар и проч. А ПИП сразу думает о том, что книга должна продаться и принести доход.

«Герой в первую очередь должен быть живым...»

– *Ваши главные герои... Кто они для вас? Как вы их выстраиваете?*

– Понимаете, в жизни ведь нет литературных героев – положительных или отрицательных. В жизни – просто люди. Я хоть и гротескный, но реалист, и я считаю, что литературный герой должен быть в первую очередь живым, ощущаться читателем как полноценная личность. Потому-то у меня не бывает чисто положительных, или чисто отрицательных персонажей. Все как в жизни...

– *Как вы относитесь к экранизации своих произведений?*

– Я считаю, что экранизация – это неуправляемый процесс, как землетрясение. И все попытки вмешаться в создание фильма ни к чему не приводят... Мой опыт (а у меня почти все экранизировано) подсказывает: бесполезно. Поэтому надо просто довериться Судьбе и ждать, что получится. Вообще, каждая постановка «по мотивам» или экранизация – это новое прочтение текста. Мало того, что произведение переводится из одной знаковой системы в другую, так это еще делается режиссером, человеком с другим опытом, мировоззрением, эстетическими принципами... Надо ли удивляться тому, что потом, на премьере, глядишь кино и не узнаешь самого себя. Главное, что может сделать для писателя экранизация, – это заставить того, кто еще тебя не читал, прочитать, а того, кто читал когда-то, – перечитать... Это не мало!

– *Юрий Михайлович, а как строятся ваши отношения с читателями?*

– Я часто встречаюсь со своими читателями, много писем приходит. Вот недавно пришло письмо от одной дамы с благодарностью за бережное отношение к природе (после прочтения «Грибного царя»), за то, что я знаю названия трав, грибов и т. д. «Но, – посоветовала она, – все-таки не следует называть «стрижами» ласточек-береговушек...» Я сразу же сел и исправил – у меня как раз корректура была под рукой... И очень ей даже благодарен...

*Беседовали Г. НАУМОВ, С. ДУДКОВА и Г. ПОПОВ
«Вечерний Волгоград», 26 мая 2006 г.*

«Есть виды зла, которые жиреют от публичности»

Недавно гостем Клуба читателей «Книжный двор» был писатель, публицист, главный редактор «Литературной газеты» Юрий ПОЛЯКОВ. Автор «ЧП районного масштаба», «Сто дней до приказа», «Апофегей», «Козленок в молоке» и других популярных произведений представил в Казани свой новый остросюжетный роман «Грибной царь».

– Меня, как всякого человека, воспитанного на идее неотвратимости прогресса и торжества добра, смолоду согревала мысль, что вот если я честно напишу о проблемах, недостатках, язвах, то они, не выдержав света правды, исчезнут, испепелятся... Но оказалось, есть виды зла, которые от гласности и публичности только жиреют. Это открытие я сделал уже в постсоветскую эпоху. И бороться с этим злом нужно не гласностью, а совершенно другими, жесткими мерами – если не замалчивая, то хотя бы не раздувая это зло...

– *Вы член Совета при Президенте РФ по культуре и искусству, интересно, как и что вы советуете президенту?*

– Знаете, напрямую посоветовать что-то президенту пока лично мне не удалось. Дело в том, что я член этого Совета уже третий год, но президент с нами пока ни разу не встретился. В этом я вижу какой-то удручающий знак. Если вы заметили, за все минувшие годы в посланиях Владимира Путина Федеральному Собранию ни разу не шла речь о культуре, даже слово такое «культура» не употреблялось. И напрасно. Вот недавно принято решение о финансовой поддержке материнства и детства. Очень правильно. Но проблему падения рождаемости не решить только деньгами, потому что это не только материальная проблема. Грубо говоря, агитация за многодетность должна стать предметом культурных акций. Должны появиться фильмы, книги, где главный герой многодетен, чадолубив, заботлив, а не просто как мотылек порхает по дамам без всякой ответственности. Должна создаваться атмосфера гордости за то, что у тебя большая, дружная семья. А кто это будет делать? Депутаты? Нет, деятели культуры. А кто-нибудь к ним с этим обратился? Никто. От предписаний детей не бывает. От запретов на аборт – бывают. Но это другая тема...

– *Вы считаете, что фильмы и книги могут реально повлиять на решение каких-то проблем?*

– Настоящие книги и фильмы – да. И влияли, достаточно вспомнить нашу давнюю и недавнюю историю. Но дело в том, что за последние пятнадцать лет власть приучилась манипулировать сознанием, а не воспитывать общество. Это легче и дешевле, но очень ненадежно... Большую роль в манипуляциях играют ПИПы – персонифицированные издательские проекты. Это те, кто делает книжную продукцию. Разница между писателем и «пипом» видовая, принципиальная. Я не против коммерческой литературы. Она существовала всегда – во времена Шекспира, Пушкина, Булгакова, но никогда не подменяла подлинное творчество. А сейчас подменяет. Ну нельзя юбилей Акунина, одного из самых терпимых «пипов», отмечать шире, чем юбилей Солженицына или Лескова. От таких подмен в социуме случаются необратимые духовные мутации, которые еще неизвестно, какими монстрами обернутся...

– *Ваш новый роман «Грибной царь» – литература серьезная, но по проданному тиражу он опережает многие коммерческие литературные проекты...*

– Почему «но»? Я этого ожидал. В России серьезная художественная литература всегда хорошо расходилась. А «Грибной царь» – это попытка вникнуть во внутренний мир современного преуспевающего мужчины. Женской литературы у нас сколько угодно, а вот мужской почему-то мало. А ведь всем интересно разобраться, что же происходит в душе мужчины, в его сознании и подсознании не только, когда он бросается на ДОТ, а и когда он бросает некогда

любимую женщину... Или она от него уходит к другому. Оказалось, это интересно не только мужчинам, но и женщинам. Одна дама принесла мне огромный букет цветов и вышитую своими руками салфеточку и весело так заявила: «Спасибо, теперь я все узнала о своем мерзавце! Главное знаю теперь, о чем он думает, когда молчит!» А один мой знакомый – крупный чиновник, сказал с улыбкой: «Я книгу прочитал и спрятал от жены. Ей этого знать не надо!» «Смех смехом, но доля истины в этом есть.

Беседовала Ольга ИВАНЫЧЕВА «Казанские ведомости», 7 июня 2006 г.

Писатель как геополитик, литература как «белый» кардинал

Юрий Поляков, известный писатель, острый публицист и главный редактор «Литературной газеты» приехал в Ригу в составе делегации международного медиа-фестиваля «Открытый город – Москва». На циферблате его часов, как разглядел ваш корреспондент, – двуглавый орел. Мы начали разговор с популярной сейчас идеи русского мира, объединяющего Россию и зарубежную диаспору.

Будь здоров, больной!

– *Что может служить основой такого объединения?*

– В первую очередь русский язык. Это ведь не просто язык, а код мышления. Люди, которые думают, говорят и читают по-русски, принадлежат к одному сообществу, независимо от того, какая кровь течет у них в жилах. Существует такое явление, как русская цивилизация. Если человек читает русские книги, он носитель этой цивилизации, мыслит ее категориями, он обуян ее архетипами, где бы он ни жил. Такое русское единство существует де-факто. Хорошо бы теперь его осмыслить и организовать де-юре. Что собственно сейчас и происходит. Прежде всего, это связано с постепенным выходом России из затяжного исторического кризиса и возвращением ее к своим прямым геополитическим обязанностям. Больной вышел на работу – и завертелось.

– *В России ищут национальную идею. Как вы думаете – найдут? И что произойдет потом – кто-то получит премию, запишут идею в школьные учебники...*

– ...устроят музей, портрет повесят – открыватель национальной идеи такой-то, сумма прописью! Нет, конечно, этого не будет. Я тоже предложил свою версию национальной идеи – три «Д»: духовность, державность, достаток. Для особо озабоченных четвертое «Д» – демократия. На самом деле эти поиски означают, что страна пытается самоидентифицироваться в новых исторических условиях. Кто она теперь – один из мировых лидеров или региональный лидер? Государство, продолжающее имперские традиции или стремящееся к тому, чтобы стать унитарным – как Турция? Будет ли Россия продолжать исполнять свои функции естественного связующего звена между европейской цивилизацией и азиатской, или же она плюнет и прижмется или к той или к другой? Эти вопросы не могут быть решены в одночасье.

На мой взгляд непрофессионала и не политолога (хотя я мало встречал людей непрофессиональнее, чем современные политологи! Это какой-то массовый, клонированный Остап Бендер!) – ни один народ, ни один суперэтнос никогда еще не смог уклониться от своей исторической миссии, которая ему дана свыше. Вроде бы все было сделано, чтобы Россия с этой орбиты сошла. И военно-промышленный комплекс поломали, и патриотизм кошачьим чувством обозвали, и утечку мозгов организовали, всех исторических попутчиков отпустили и еще пирогов с собой надавали. Ешь суверенитет – не хочу. Но прошло пятнадцать лет, и все возвращается на круги своя. Я это предсказывал заранее. Не друзьям на кухне, а в статьях. Надо властям предержащим почаще слушать не политологов, а писателей.

Без пушкинистов не обойтись

– *Писатель в России всегда был больше чем писатель. Сохранился ли у него этот общественный статус?*

– С точки зрения законодательства у писателя в новой России до сих пор нет никакого статуса. И у нас деятельность любого человека, занимающегося творчеством, приравнена к деятельности какого-нибудь мелкого бизнесмена, биржевого спекулянта и так далее. А писательский союз юридически ничем не отличается от общества покровителей морских свинок. Но это не мешает писателю в России оставаться своего рода властителем дум. У нас всегда генераторами новых социальных идей были писатели. Умерли такие великие мыслители, как В. Кожин, А. Панарин, А. Зиновьев, которые, продолжив традиции наших национальных и религиозных мыслителей, заложили основы русского постсоветского мировидения. Их замалчивали, их не пускали на телевидение, особенно в последние годы. Но любой политолог, который сейчас вылезает на телевидение и открывает рот, оперирует их идеями, мыслями и терминами. Все крупные русские писатели были публицистами, причем не местного, а геополитического уровня: Пушкин, Тютчев, Тургенев, Достоевский, Блок...

Помните, к двухсотлетию Пушкина на НТВ показывали фильм Леонида Парфенова. Он ходит, рассказывает о жизни поэта – Питер, Арзрум, Царское Село... И в конце каждой серии идут титры: какая фирма предоставила ему костюм, какая – ботинки, какая его причесала, какая надушила... Но не было в титрах ни одного имени, ни одного названия трудов наших великих пушкинистов, у которых он попросту «натырил» мысли и слова, произносимые в эфире. Свинство, правда? Чистое воровство интеллектуальной собственности. Но суть в том, что Парфенов все равно транслирует зрителю слова пушкинистов, писателей. Своих-то у него нет! В этом сила литературы. Она, как тайный (но не серый, а белый!) кардинал, который держит за интеллектуальные ниточки и заставляет президента вдруг процитировать Пушкина или какого-то мыслителя Серебряного века.

Пей, но дело разумеј

– *А почему писателям в России не хватает юридического статуса?*

– Потому что разрушить старую правовую систему гораздо легче, чем создать новую. Ведь статус писателя – это и защита его интеллектуальной собственности, контроль за использованием его произведений, скажем, в Интернете и многое другое. Допустим, писателю нужен для работы кабинет, а художнику – мастерская. При советской власти это было прописано в законе. А теперь считают так: Каштанка – собачка умная, сама себя и прокормит. Только не нравится, когда «Каштанки» лаять начинают и за штанину хватать. Творчество, как и Восток, дело тонкое, много деликатных особенностей. Так и Литфонд еще при царе-батюшке учредился именно как организация для оказания помощи безденежным и запойно пьющим писателям.

– *Писатели в России все еще пьют запойно?*

– Я думаю, не только в России. Мне приходилось выпивать с нынешними латышскими классиками за нерушимый Советский Союз и вечную дружбу. Мастера! Кстати, если посмотреть статистику болезней и смертей классиков мировой литературы, то мы увидим, что пьянство – наднациональный недуг творческой интеллигенции, и ничего тут не поделаешь.

– *А такие писатели, как Александра Маринина или Дарья Донцова, являются властителями дум?*

– Скорее уж властителями бездумного досуга. Есть, знаете, писатели и есть ПИПы, это большая разница. Я ввел этот термин, на который многие обиделись. ПИП – это персонифицированный издательский проект. Сравнить ПИПов с писателями так же невозможно, как сравнивать хирурга с патологоанатомом. Хотя вроде бы и тот и другой занимаются человеческим телом. Но один живым, а другой трупом. Писатель создает литературу – хорошую или плохую, талантливую или нет, но он создает текст, который строится по законам художественного познания мира.

Кстати, в этом роде деятельности тоже можно создать коммерчески успешные вещи. Не будем далеко ходить за примером. Мой новый роман «Грибной царь» разошелся тиражом больше ста двадцати тысяч, это очень много по нынешним временам. А «Козленок в молоке» выдержал двадцать изданий, давно перевалив за полмиллиона экземпляров. Но я-то пишу, с вашего позволения, прозу, а ПИПы изготавливают книжную продукцию, это разные вещи. Мы же не считаем кроссворд литературой, хотя он тоже состоит из слов.

В девяностые годы, когда шло разрушение остатков советской государственности и дележ собственности, требовались ПИПы, чтобы отвлечь общество от подлой реальности, а не писатели, которые могли спросить: что вы делаете, вы нам что обещали? Сейчас, когда наступила пора выхода страны из кризиса и появились амбициозные национальные проекты, выяснилось, что с глупым народом, подсевшим на «развлекалово» это все невозможно осуществить. И теперь народ, который пятнадцать лет упорно отучали думать (в том числе при помощи этих самых ПИПов!), надо опять приучать шевелить мозгами...

Беседовала Майя ХАЛТУРИНА «Час Пик», Рига, 21 июня 2006 г.

Читатель, ПИП рядом!

Юрий поляков объявил войну литературе, плодящей глупцов

В Риге вместе с делегацией из столицы России гостит редактор «Литературной газеты», знаменитый писатель и публицист Юрий Поляков – автор книг «ЧП районного масштаба», «Демгородок», «Козленок в молоке», «Апофегей» «Замыслил я побег», «Возвращение блудного мужа» и многих других любимых народом произведений. Юрий Михайлович приехал по приглашению МКДЦ на первый международный медиа-фестиваль «Открытый город – Москва», участвовал в конференциях и презентациях, а когда освободился, охотно пообщался с «Вести-Сегодня». Красной линией в беседе пролегла тема влияния литературы на общество, а также поголовное оглушение масс «персонифицированными издательскими проектами» – ПИПами – вроде романов Марининой, Дашковой и прочих. Однако начали мы разговор со скандального «Грибного царя».

– Ваш роман народ принял отлично, зато литературные критики взбеленились. Из-за чего?

– Во время нашей прошлогодней встречи я предсказывал, что книга вызовет резонанс. Так и вышло. Читателю «Грибной царь» понравился, о чем свидетельствуют тиражи: с сентября продано более ста тысяч экземпляров. А по поводу критиков... Они ведь тоже разные и причины их неудовольствия разные. Либералам не понравилась картина современной действительности и показанный мной внутренний мир успешного, с их точки зрения, «ударника капиталистического труда». Это не соответствует их представлению о том, что происходит с нами. У некоторых вызывает раздражение и откровенная русскость моего героя. Теперь в литературном бомонде принято, чтобы герой был «никаким», так сказать, общечеловеческим. Исключение делается разве что для наций, «угнетенных при старом режиме». Но в настоящей литературе «национальная стерильность» невозможна. Обломов – русский, Штольц – немец, Левинсон – еврей и так далее. А критикам-патриотам мой роман показался слишком суровым диагнозом, ведь я честно написал, во что может превратиться советский, русский, офицер, борясь за успех в новой жизни любой ценой. Это не соответствует их мифу о праведной русской душе, сбитой с толку инородцами. Впрочем, возмутились немногие критики – большинство промолчало.

Я, кстати, часто попадаю и в «зону умолчания», когда о моих вещах вообще стараются не писать. Таким способом критики со мной якобы борются – отваживают читателя. Пустое. У нас давно уже читают не то, что хвалят критики, а то, что советуют умные друзья. Поэтому мои книги с середины восьмидесятых и расходятся сотысячными тиражами. Сейчас готовится к выпуску книга «Треугольная жизнь», своего рода трилогия, в которую вошли романы «Замыслил я побег», «Возвращение блудного мужа» и «Грибной царь», объединенные общей темой и даже общими героями второго плана. К этому большому тому я написал обширное послесловие «Геометрия любви». А предисловие написал Павел Басинский.

– Удивителен такой подход со стороны критиков, и уже непонятно, а где же собственно литература...

– Об этом лучше сегодня спрашивать не критиков, а филологов. Вот недавно в издательстве Российской академии наук вышла объемистая монография известного литературоведа, доктора наук Аллы Большаковой о моей прозе. В общем, литературоведы мною занимаются, так сказать, в обход критиков – дипломы пишут, диссертации защищают. Беда в том, что наша критика очень политизированная, обслуживает определенные группы, национальные

кланы, политические тусовки. Я же не примыкаю ни к одному лагерю, остаюсь независимым. И опыт русской литературы показывает, что только самостоятельность дает писателю возможность заниматься собственно творчеством. В противном случае писатель быстро превращается в певца тенденции.

– *Недавно в публицистическом материале «Писатели и ПИПы» вы «посмели» наехать на коммерческую псевдолитературу Акунина, Марининой, Дашиковой, Донцовой и изже с ними.*

– Скандал вышел действительно громкий, многие обиделись, например, Маринина, к которой я отношусь в целом с симпатией. Но рано или поздно об этом следовало сказать. Произошла подмена одного понятия другим: литературой стали называть «персонифицированные издательские проекты» – ПИПы. Чем отличается писатель от ПИПа? Первый сочиняет литературу – иногда очень талантливую, иногда среднюю. А ПИП изготавливает коммерческий книжный продукт – плохой или хороший. Но даже самая неудачная литература отличается от самого удачного коммерческого продукта так же, как самый глупый человек отличается от самой умной обезьяны. Ведь в основе художественного творчества, даже самого простенького, лежит стремление понять жизнь, познать изображаемую реальность, найти для этого адекватные языковые формы, донести мысли и эмоции до читателя.

ПИПы же заняты только изготовлением товара, который купят. Это не значит, что серьезная литература не может иметь коммерческого успеха. Тот же Булгаков, сочиняя «Мастера и Маргариту», ставил перед собой сложные философско-художественные задачи, а поди ж ты – скольких книгопродавцев обогатил и продолжает обогащать. А у ПИПа нет никакого завета, кроме заветного желания, чтобы продалось как можно больше экземпляров и гонорар был как можно выше. Кстати, кто-то может заподозрить, будто к написанию статьи меня подтолкнуло чувство зависти к более успешным в рыночном смысле сочинителям. А вот и нет! Тиражи моих книг вполне сопоставимы, а то и превосходят по массовости ПИПовские издания. Итак, ничего личного, только желание объективно разобраться в этом социально-культурологическом, даже политическом явлении. Но издатели, заваливающие рынок доходным чтивом, конечно, от моей статьи в восторг не пришли. Одно дело гордо говорить: «Я торгую книгами». И совсем другое: «Я продаю «пипню»...

– *Вернемся к «политическому явлению» ПИПов. Это как?*

– Если человек читает умные книги, в которых автор затрагивает серьезные темы и говорит о высоких целях, он подтягивается, развивается, старается разобраться в себе, в жизни. А если человек читает глупые книги, он глупеет. Глупым народом и жадными пипами легче управлять, в отличие от мыслящих людей и непослушных писателей. Но вот беда: амбициозные национальные проекты, способные вывести Россию из кризиса, о которых, например, говорит Владимир Путин, могут осуществить только умные люди. Мы сейчас коснулись только литературы, а есть ведь еще и деградирующее телевидение. На всех сильное впечатление произвели слова министра обороны России Сергея Иванова о дебилизирующей роли ТВ в современном обществе. Не потому, что этого никто раньше не замечал. А потому, что с властных вершин наконец сказано то, о чем из своих маргинальных низин с начала девяностых кричит отечественная литература и говорят простые люди на кухнях. Может, это долгожданное проявление коллективного государственного разума, осознавшего, что с нечитающим, разучившимся думать народом нельзя воплотить никакие серьезные национальные проекты, а можно лишь играть в «Поле чудес». Но если наша историческая будущность – «поле чудес в стране дураков», то и следующим президентом тогда уж пусть будет у нас Якубович с подарками...

– *Замечу, нередко многотиражные авторы в своих книгах пропагандируют идеи отдельных политических сил, даже выступают перед выборами с соответствующими речами.*

– Они еще, спешу наябедничать, вставляют в текст вроде как ненавязчивую и не бесплатную рекламу товаров: «В задумчивости Василий сам не заметил, как заварил свой любимый байховый цельнолистовой чай «Брук Бонд», который давно предпочитал всем другим напит-

кам». А уж подкормиться от политики – святое дело. Но мы-то с вами говорим не о «шабашниках», которых всегда возле литературы хватало, мы говорим о настоящем литературном процессе, а он внутренне свободен и неуправляем. С этим, кстати, ничего не могла поделать даже советская власть, хотя тогда работали четкие и жесткие схемы регулирования. Серьезная, самостоятельная литература – это общественный сейсмограф, по которому можно задолго уловить приближающиеся общественные потрясения. Ведь собственно кризис советской власти уже читался в пьесах Вампилова! И я полагаю, без ложной скромности, по моему «Демгородку» и «Козленку в молоке» можно было спрогнозировать крах ельцинизма со всем его цинизмом. Я чувствовал это на интуитивном уровне, на уровне логики развития художественных образов... Или же вспомните мое «ЧП районного масштаба». Разве там не предсказано, как аппарат влет сдает идею за возможность остаться при власти?

Кстати, среди нынешней творческой интеллигенции считается «неинтеллигентным» напоминать кто что говорил и кто что делал до того, как сжег свой партбилет. «Неинтеллигентно» говорить о судьбе русских в бывших странах СССР, в той же Латвии. «Сами, мол, виноваты: побыли старшими братьями – вот теперь и расплачивайтесь, оккупанты!» Минуточку, в какой момент Россия оккупировала Прибалтику? Когда после Ништатского мира выплатила за нее Швеции два с половиной миллиона золотых ефимков? Или когда латышские стрелки активно поучаствовали в революции. Тогда включение Латвии в состав СССР – просто историческое возмездие. Ведь тогда все висело на волоске, и, возможно, не будь упертых латышских стрелков, история могла пойти по другому пути. А латыш Эйхе, руководивший Свердловской областью и первым призвавший к Большому террору? Попробуйте рассмотреть проблему под таким вот «неинтеллигентным» углом!

– *Над чем сейчас работаете?*

– Заканчиваю новую пьесу для Театра сатиры. Ее после шумного зрительского успеха «Хомо эректуса», благополучно замолчанного театральной критикой, мне заказал Александр Ширвиндт. Комедия, называться будет «Он, она, они». Кроме того, наконец я засел за роман, который много раз откладывал, в последний раз отложил из-за «Грибного царя». Рабочее название – «Гипсовый трубач». Над этой вещью бьюсь давно, раньше «не шла». Надеюсь, теперь пойдет. О чем роман? О нас с вами!

Беседовал Игорь МЕЙДЕН

«Вести-Сегодня», Рига, 22 июня 2006 г.

«За роскошь говорить правду надо платить!»

Пять лет назад вполне успешный писатель Юрий Поляков променял творческую свободу на казенную поденщину, согласившись стать главным редактором некогда преуспевающей, а к тому моменту дышащей на ладан «Литературной газеты». С тех пор не реже трех раз в неделю Юрию Михайловичу приходится покидать ставшее родным Переделкино, катить через всю Москву в редакцию и править, сокращать, переписывать, вычитывать. И зачем, спрашивается, человеку это надо? А тут еще слух прошел, будто владельцы газеты собираются ее продать...

– *Пакуете чемоданы, Юрий Михайлович?*

– И куда же вы намерены меня отправить?

– Не я, а ваши хозяева, прозрачно намекнувшие, мол, двигайте с вещами на выход, лавочка закрывается...

– Как у вас легко и просто получается! Обращаю внимание: фраза о продаже «Литературки» ни разу не прозвучала из уст ее акционеров, в число которых входят АФК «Система» и московское правительство. Речь шла о том, что часть активов медиа-холдинга может быть выставлена на торги. Наверное, недоброжелатели мечтают, что именно мы пойдем под нож, но вынужден их огорчить: слухи о нашей смерти сильно преувеличены. С какой стати закрывать «Литературку»? За пять лет у газеты в три раза вырос тираж, мы вернулись в число лидеров информационного пространства, к нашему мнению опять прислушиваются. В том числе и сильные мира сего. Конечно, сегодня трудно выжить изданию, отстаивающему базовые консервативные ценности и защищающему государственные интересы, нам не приходится рассчитывать на помощь ни внутри страны, ни извне. Но мы и не питаем иллюзий, не ждем подарков от спонсоров, которых нет. «Литературка» поднималась исключительно за счет читателя, повернувшегося к ней лицом, как только был остановлен либеральный психоз внутри редакции, отменена моноидеология.

– *Подозреваю, акционеров больше волнует другое: материальное положение газеты.*

– Отвечаю: оно вполне стабильно. Во всяком случае, «ЛГ» перестала быть убыточной и в состоянии себя прокормить. Мы третий год, как на самоокупаемости.

– *А хочется, чтобы кто-нибудь деньжат подкинул, правда?*

– Нет, не хочется! Точнее, дополнительные средства нам не помешали бы, но я прекрасно понимаю: стоит лишь сесть на кошт, как можно сразу прощаться с неангажированностью и независимостью. При этом не имеет значения, кто именно будет подкармливать – фонд Сороса или администрация Путина. На выходе получим один и тот же результат.

– *Само собою: кто платит, тот и девушку танцует.*

– Нас, как вы выразились, никто не танцует. Западу мы чужды со своей идеей просвещенного патриотизма, но и родная власть почему-то интереса к нам не проявляет. Чтобы стало понятнее, сколь трудно в России быть государственным, расскажу вам историю, как меня решили чем-нибудь наградить к пятидесятилетию.

– *...которое вы, Юрий Михайлович, отпраздновали осенью позапрошлого года.*

– Ну да, двенадцатого ноября.

– *Вам ведь, кажется, по такому случаю Госпремию вручили.*

– Правительственную. А есть еще президентская, главная.

– *Чем они разнятся?*

– Денежным наполнением. Президент дает пять миллионов рублей, а правительство – миллион.

– Значит, вы получили ту, что поменьше? Обидно, конечно, но тоже деньги, в хозяйстве сгодятся.

– Я не об этом. Премию мне дали как литератору за сборник «Небо падших», куда вошли романы «Козленок в молоке», выдержавший к тому моменту двадцать шесть изданий, и «Замыслил я побег», переиздававшийся двенадцать раз. Это только в России, за граница не в счет. Словом, отметили писательский труд, что со мною случалось нечасто. До этого лишь в восемьдесят шестом году я удостоился премии Ленинского комсомола за «ЧП районного масштаба»... Но вы увели мою мысль в сторону, я собирался рассказать совсем об ином. Примерно за полгода до юбилея меня решили наградить как главного редактора «Литературки», а значит, общественную фигуру. Коллектив оформил бумаги на орден «За заслуги перед Отечеством» четвертой степени.

– Почему не третьей или второй?

– Нельзя, надо по порядку идти – четвертая, третья, вторая... Документы отправили по инстанциям, через несколько месяцев они вернулись с комментарием: не годится, поскольку у представленного к ордену нет других наград. А у меня действительно отродясь ничего такого не водилось.

– Даже удивительно.

– Отнюдь. Я же всю жизнь состоял в оппозиции к действующей власти – и во времена СССР, и при Ельцине, следовательно, не мог рассчитывать на благосклонность правителей. После выхода в девяносто третьем «Демгородка», посвященного расстрелу Белого дома, «Литературка» на пять лет забыла о существовании писателя Полякова. Единственная рецензия, посвященная мне, называлась «Лукавая антиутопия» и содержала призывы разобраться с автором... Словом, дожил я до пятидесяти лет без правительственных наград и дальше спокойно продолжал бы жить, если бы не инициатива коллег.

– А на медаль вы в отличие от Василия Теркина не соглашались?

– Почему же? Я был готов на все, стало интересно, чем дело закончится. Параллельно наблюдал, как к пятидесятилетию награждают Машу Арбатову, потом этого... как его?... забыл фамилию... дурацкие песни поет... Бориса Гребенщикова.

– Я не ошибся, Юрий Михайлович, вы не поклонник БГ?

– Умоляю вас! Это же чистой воды фармазонство.

– Еще Андрей Макаревич ваш ровесник, одноклассник.

– Да, известный борец с советской властью. Помню, как на Совете творческой молодежи при ЦК комсомола мы голосовали за покупку для «Машины времени» новой аппаратуры. Брал и не брезговал. Сегодня у нас все оппозиционеры. Чем крепче припадал прежде к груди КПСС, тем громче сегодня кричит о заслугах перед демократией. Ну так вот... Маша, Борис, Андрей и некоторые другие выдающиеся деятели отечественной культуры свои награды получили, а мне завернули представление даже на медаль.

– Кто-то посчитал, что и это для вас много?

– Наоборот, решили снова поощрить каким-нибудь орденом. Все-таки давно человек работает, фильмов по его книгам куча снята, газету от гибели спас. Словом, начался новый этап сбора документов. Так и продолжается по сей день. Третий год волокита тянется. Даже забавно!

– Или обидно?

– Если бы мечтал о карьере или строил какие-то наполеоновские планы, был бы повод огорчаться. К счастью, к регалиям и чинам я всегда относился по-философски. Мои амбиции в литературе, в читательском признании. Но ведь известны случаи, когда нереализованное честолюбие буквально вгоняло людей в могилу.

– Например?

– Остроумнейший человек, прекрасный сатирик и пародист Александр Иванов не смог пережить того, что его обнесли Государственной премией. Он жил за границей, когда позвонили из Москвы и предложили приехать на вручение. Иванов прилетел в Россию и узнал, что в последний момент комиссия по Госпремиям изменила решение не в его пользу. Сан Саныч тут же с горя запил и помер. Поверьте, это не байка, именно так и произошло.

– *Хорошо, хоть вы, Юрий Михайлович, не принимаете все близко к сердцу.*

– Мне хватает не только внешнего сарказма, как у Иванова, но самоиронии. Однако давайте абстрагируемся и вообразим, что человек хочет послужить державе не только из патриотических чувств, но и – частично – из честолюбивого расчета. Пару раз вот так его пнут, и он скажет: «Да идите вы к лешему, найду себе другое отечество, которое умеет ценить людей».

– *У вас такая мысль никогда не возникала?*

– Нет, конечно, иначе в восьмидесятые годы сочинял бы то, что нравилось советской власти, а в девяностые старался бы угодить Ельцину и его окружению. Я же всегда писал не по заказу, а по собственному желанию.

– *Что не спасло вас от клейма конъюнктищика.*

– Это клевета критиков, которые не в силах смириться, что мои книги становятся популярными без их подсказок. Они ведь искренне верят, будто должны наставлять и направлять читателей. Якобы те сами не разберутся, где литература, а где – макулатура. А в случае со мной критики вроде лишним звеном оказываются, вот и злятся. Чтобы найти хоть какое-то объяснение, почему «Сто дней до приказа», «ЧП районного масштаба», «Апофегей» стали бестселлерами, решили записать меня в конъюнктишки. Мол, Поляков пытается угодить публике, знает, что ей понравится. При этом никто не задается вопросом, в чем же был мой расчет, если «Сто дней» писались в восьмидесятом году, а вышли в свет только в восемьдесят седьмом? Похожая история и с «ЧП», тут разница между написанием и публикацией составила пять лет. Станный какой-то конъюнктищик, не находите?

– *Но вы же еще более страшное ругательство придумали – ПИП.*

– Да, мой неологизм. Аббревиатура расшифровывается просто – персонифицированный издательский проект.

– *Можно сказать то же самое, но по-русски, Юрий Михайлович?*

– Производители читава.

– Поименно, пожалуйста.

– Донцова, Маринина, Дашкова, Устинова и иже с ними... Как ни странно, среди ПИПов преобладают женщины.

– *Вы их книги читали?*

– Все равно что спросить, читал ли я кроссворд. Не для того печатается.

– *Робски к ПИП-компани относите?*

– Тут чуть сложнее. У дамы есть определенные литературные задатки, все зависит от того, как она ими распорядится... Но скорее всего, никак. Лет через пять ее никто не вспомнит. Поймите, я не против развлекательной книжной продукции, вопрос в ином. Никогда прежде ПИПы не претендовали на место титанов мысли.

– *Но раньше, наверное, их и не было в таком количестве?*

– Да, не было Донцовой, зато был ее папа. Знаете, кто он такой? Парторг московской писательской организации Аркадий Васильев – автор романа «В час дня, Ваше превосходительство», превозносящего до небес подвиги чекистов. Книги Васильева печатали такими же тиражами, как сегодня сочинения его дочери. Это одна и та же донцовщина, правда, с разной идеологической начинкой. Папа утверждал приоритет диктатуры пролетариата, а наследница прославляет буржуазные ценности. Это у них семейное. К счастью, ПИПы никогда не станут классиками: их читают, но не перечитывают. Если приведете ко мне человека, перечитывающего Дашкову или Маринину, поставлю вам бутылку.

– Чего?

– Что выберете. Но не приведете – нет таких читателей.

– А по сто страниц в день писать реально?

– Нет, конечно. Думаю, без посторонней помощи там не обходится. Говорю об этом со знанием дела.

– *Негром были? Или нанимали?*

– Ни первое, ни второе. Однажды, правда, писал приветствие съезду профсоюзов от имени учащихся ПТУ. В стихах. Заплатили мне за эту работу восемьсот рублей, солидную по тем временам сумму, но и жилы вымотали все. Больше за подобное я не брался. Когда говорил о посторонней помощи, имел в виду другое: я стоял у истоков сериального движения в нашей стране и готовил синопсис для фильма «Салон красоты». Потом уже сценарная группа расписывала все в деталях для каждой из ста серий. Так и значилось: кто автор общей идеи, а кто – конкретного сюжета. И с Говорухиным на «Ворошиловском стрелке» мы работали по похожей схеме: у каждого была своя зона ответственности. Это тоже нашло отражение в титрах картины. В литературе же продолжается застоявшееся лукавство. Читатели привыкли относиться к писателю как к собеседнику, им психологически трудно смириться с мыслью, что с ними разговаривает не один человек, а, допустим, восемь. Поэтому соавторы уводятся в тень, хотя честнее было бы написать, что над книжкой работал творческий коллектив под началом руководителя проекта, допустим, Днестровой.

– А к продакт-плэйсменту вы как относитесь?

– Веяние времени, от него никуда не денешься. Пытался спародировать это явление в романе «Грибной царь», а меня обвинили в том, что неправильно назвал крупную фирму по пошиву мужских сорочек. Смешно!

– *Может, о цене не договорились?*

– Я такими вещами не занимаюсь, это не мой уровень.

– *Но Ремарку было не влом рекламировать кальвадос.*

– Он попросту любил этот напиток. Мне, например, нравится черногорское вино «Вранец», я вставляю его в свои книги и делаю это абсолютно бескорыстно. Впрочем, речь у нас шла об ином. Хочу, чтобы вы поняли разницу между писателями и ПИПами. Первые заняты познанием мира, а вторые созданием продукта, который купят. Собственно, так было и раньше, но до конца двадцатого века никому в голову не приходило сравнивать одно с другим. Все понимали, где искусство, а где способ зарабатывания денег. Именно девяностые годы ознаменовались попыткой вытеснить писателей, заменив их ПИПами, которые неприятных вопросов не задают, народ не будоражат, а с писателями была одна морока, вечно они нос совали, куда не следует. Но проблема-то в том, что ПИПы все равно не стали властителями дум. Они ведь не думают, а пишут. Неужели Маринина или Устинова сформулируют национальную идею для России? Нет, это удел Солженицына, Распутина, Гранина, но с ними надо совершенно иначе разговаривать. Кажется, и наверху начинают постепенно понимать, что именно эти люди определяют смыслы времени.

– *Три богатыря?*

– Можно еще с некоторыми оговорками назвать Евтушенко, несмотря на то, что он несколько оторвался от нашей действительности.

– А, например, Пелевин?

– Это, конечно, литература. Хотя и ограниченная молодежной субкультурой. Вместе со мной и Улицкой Пелевин входит в тройку наиболее читаемых российских прозаиков.

– *Есть еще Аксенов.*

– С человеком приключилась странная вещь. Видимо, столь долгая эмиграция и вызывающее предательство идеалов собственной молодости даром не прошли. Последние романы

Аксенова вроде «Вольтерьянцев и вольтерьянок» ничего, кроме жалости, не вызывают. А ведь были у Василия Павловича и иные времена, куда более успешные.

– За «Вольтерьянцев» он Букера получил. Это так, к слову.

– Ну, получил, и что с того? Моего «Козленка в молоке» даже в лонг-лист премии не включили, а книга выдержала двадцать семь переизданий, переведена на многие языки, по ней снят фильм. Без всякого Букера!

– Идем дальше: Виктор Ерофеев.

– Он вообще не писатель, а предприимчивый филолог и неплохой литературовед, в какой-то момент понявший: чтобы вести интенсивную светскую жизнь, надо написать что-нибудь беллетристическое, поскольку трудно фигурировать в бомонде с исследованием о маркизе де Саде. Есть определенная этика: чтобы тебя пригласили на международные соревнования по боксу, надо хотя бы раз получить на ринге по морде. Называться писателем без единой книжки – неловко. Вот Ерофеев и написал. Ему это дело понравилось...

– Борис Акунин?

– Пожалуй, один из наиболее ответственных и интеллектуальных ПИПов. Квалифицированный японист, прекрасно образованный и очень неглупый человек, он подошел к проблеме зарабатывания денег серьезно. Ему удалось найти (точнее, позаимствовать у Честертона) ход, который сразу выделил его из общего ряда. Акунин быстро сделал себе имя и сейчас успешно разрабатывает золотую жилу. Честь ему и хвала, но это не литература.

– А бывает миграция из ПИПов в писатели?

– Крайне редко. Обратный процесс случается чаще.

– Вы свое место в строю всегда знали, Юрий Михайлович?

– Писать начал рано, в школе. Сначала это были стихи, у меня даже вышло несколько сборников. Потом переключился на прозу. Сочиняю я тяжело, редактирую тексты до бесконечности, делаю по двенадцать-пятнадцать вариантов, поэтому не получается выпускать новую книжку чаще, чем раз в несколько лет. Правда, постоянно выходят переиздания, и моим недоброжелателям кажется, будто Поляков заполонил собою все. К пятидесятилетию у меня вышел пятитомник, согласитесь, это не так уж много.

– Ну да, по сравнению с некоторыми вашими соседями.

– Какими?

– По Переделкино.

– У меня дача напротив дома Окуджавы. Постоянно вижу перед окнами булатоманов и окуджаволюбов. Косяками ходят.

– Раздражают, наверное?

– Почему? Радуюсь, что поклонники не забывают талантливого человека. Дай Бог каждому.

– А на вашей даче кто раньше жил?

– Виталий Озеров, критик и литературовед, автор монографии «Образ коммуниста в советской литературе». Его дом сгорел, я отстраивался заново. Нет, жить там хорошо, работать комфортно. И соседи что надо...

– Словом, сиди и твори. А вы все: «В Москву, в Москву!» Неужели не можете без «Литературки»?

– Это моя работа, даже миссия, дающая, кстати, обильную пищу для ума. Один пример приведу. Года два назад мы решили возродить старую редакционную рубрику, в свое время пользовавшуюся колоссальным успехом – «Если бы директором был я». Теперь, правда, она звучала чуть иначе – «Если бы президентом был я». Затея рухнула буквально через несколько номеров. Люди не стали писать. Видимо, разочарование в реформах, во власти столь велико, что человеку не хочется даже пофантазировать, что бы он сделал, оказавшись в Кремле. В советское время кабинеты редакции были бы до потолка завалены письмами желающих дать

совет правителям. А сегодня – тишина. На мой взгляд, это весьма тревожный сигнал для сидящих на самом верху. На месте Путина я посвятил бы специальное заседание совета по национальной безопасности этой ситуации безверия. Тема не менее серьезная, чем инфляция или цены на нефть с газом.

– *Подскажите!*

– Обязательно! Но чтобы писателей услышали, надо сначала переломить отношение власти к литературе. Пока не удастся, а жаль! Мало кто обладает такой исторической сейсмочувствительностью, как писатели. Именно литература задает код всей национальной культуре.

– *Так и влечет вас в высокие сферы, Юрий Михайлович! А чего-нибудь попроще, подешевнее хочется?*

– Написать бы еще пару хороших книг для взрослых и хотя бы одну сказку.

– *Для внуков?*

– В том числе для Егора и Любы. Сюжет я уже придумал, а интонацию святого простодушия никак поймать не могу. Вот уволят из «Литературки», тогда точно засяду за сказку.

– *Пожелать вам этого?*

– Увольнения? Спасибо, не надо. Еще поработаю...

Беседовал Андрей ВАНДЕНКО

«Собеседник», № 27, 2006 г.

«Я человек советской цивилизации...»

– *Юрий Михайлович, вы впервые приехали в Пермь?*

– В восьмидесятых годах я два раза бывал в Перми – последний раз в разгар борьбы с алкоголизмом, двадцать лет назад. Отмечали юбилей Пермской писательской организации в театре. После заседания состав президиума, в котором был и я, какими-то переходами повели, как за синей птицей, в тайный подвальчик, где был накрыт стол с выпивкой. Только мы зашли, как хозяева начали хватать бутылки с водкой и прятать, поскольку дошла информация, что кто-то «сдал» мероприятие властям и едут карать. Народ впал во фрустрацию... Но коллеги-писатели не дали пропасть – юбилей мы отметили как надо.

– *Вы стали известны после публикации повестей еще при советской власти. Есть ли у вас ностальгия по тому времени?*

– Нормальные люди называют то время советской цивилизацией, люди ненормальные – совком. Я не только ностальгирую, но и не скрываю этого, в отличие от многих. И писал об этом, когда находился в жесткой оппозиции к ельцинской власти. Мы хотели плохое оставить в советской эпохе, а в новое общественное устройство взять все хорошее, что там было. Получилось наоборот – хорошее мы оставили в советской цивилизации, а взяли плохое. Например, оставили там серьезное внимание государства к культуре. Возьмите послание Президента страны Федеральному собранию – ни разу в нем не употреблено слово «культура». У любого здравомыслящего человека это вызывает удивление. С точки зрения соблюдения государственных интересов, советская цивилизация была более эффективной. Утрата этого качества меня сильно огорчает.

– *Почему вы, успешный литератор, занялись журналистикой? Быть редактором «Литературной газеты» – нелегкое бремя.*

– Я уже работал редактором газеты – «Московского литератора», до восьмидесят шестого года, когда решил уйти на вольные хлеба. Я один из немногих, кто мог себе позволить жить на литературный труд – и при советской власти, и при нынешней. У меня выходили не только книги, но и фильмы – я был соавтором сценария «Ворошиловского стрелка» Станислава Говорухина, принимал участие в создании сериалов. Материальной необходимости стать редактором «Литературной газеты» у меня не было. Мне не нравилось, что искажена реальная картина литературного процесса. Многих писателей просто не пускали на страницы «ЛГ». Со мной был такой случай. Шестого октября девяносто третьего года я выступил в «Комсомольской правде» со статьей «Оппозиция умерла. Да здравствует оппозиция». Это была единственная статья в центральной прессе против расстрела «Белого дома». «Комсомолку» после этого на пару дней закрывали. А меня перестали пускать на страницы «Литературной газеты». А что я такого страшного написал? Что мне непонятен способ укрепления демократии с помощью расстрела из танков парламента, который во всем мире является символом и инструментом демократии. Такая шла духовная гражданская война. Всех несогласных выбрасывали из информационного пространства. А ведь исключение из общественного сознания – для пишущего человека это и есть смерть.

– *Вы хотите сказать, что при Ельцине было меньше свободы слова, чем сейчас?*

– Больше всего свободы слова было с восьмидесят восьмого по девяносто первый год. Это мое личное ощущение. Я был активно работающим писателем, много печатался в газетах, вел передачи на телевидении – и хорошо знаю, когда можно было говорить все, что думаешь. Что касается цензуры, я хлебнул ее достаточно со своими первыми повестями. И если сегодня я с сочувствием отношусь к советской цивилизации, то это не значит, что я чего-то не знаю о ней – я-то как раз знаю. Многие из тех, кто стал «демократами», ничего тогда против не писали. Только – за. Обеими руками.

– *Ваше отношение к литературным премиям?*

– Я убежден, премии и гранты далеко не всегда идут на пользу литературе. У нас сегодня своего рода «грантократия». Поэтому писатели не только острую публицистику боятся писать, но даже показаться на публике не с тем человеком, чтобы не лишиться какой-нибудь премии.

– *Ваше отношение к современному российскому телевидению?*

– Мы разработали проект для телеканала «Культура» – передачу «Работа над ошибками», в которой попытались отразить другую точку зрения – не либеральную, принятую там, а народно-патриотическую. Передачу объявили в апрельской программе, но сняли с эфира после того, как посмотрело начальство. Рассказывали, один из руководителей возмущался: «Поляков говорит «советская цивилизация»... Как можно? Этого не должно быть!» В конце концов, передачу вернули, чтобы не конфликтовать с редактором «Литературной газеты». А если бы я был рядовой публицист? Телевидением, которое сегодня формирует образ и стиль жизни, руководят люди со взглядами разрушителей образца девяностых годов. Они ни морально, ни интеллектуально уже не имеют права определять духовную жизнь нашего общества, они устарились навсегда, но они везде.

– *Говорят, что работа журналистом негативно отражается на писательском даре?*

– Ни один нормальный писатель не занимается только творчеством. Иначе через две-три книги он превращается в чудовищного зануду. Он начинает выворачивать какие-то свои уж совсем необязательные тайны. Вспомните, Чехов не оставлял свою врачебную практику до конца жизни, хотя деньги у него были. Кто такой пациент для него? Это герой его рассказа. Надо, чтобы вокруг были люди, пополняющие «внутреннюю галерею», которая есть у каждого прозаика. Конечно, первые два года, когда мы вытаскивали газету из провала, я ничего не написал. Правда, закончил пьесу, которую Станислав Говорухин поставил во МХАТе. А потом стало легче – у меня вышел роман «Грибной царь», сейчас закончил пьесу для Театра сатиры.

– *На что в нашей сегодняшней жизни прежде всего должен обратить внимание настоящий писатель?*

– Если мы говорим о социальной стороне литературы, ее влиянии на общественное сознание, то это не значит, что у нее нет других функций. Можно, конечно, рассуждать о том, какой должна быть композиция и язык постмодернистского романа, но это проблематика специалистов, а социальность интересна всем. Та самая постмодернистская литература, что развивалась в последнее десятилетие, привела к серьезной дегуманизации общества. Это явление я называю «катастрофой обедняющей новизны», когда автор добивается новизны любой ценой. Новое можно сказать с помощью прибавления смысла по сравнению со своими предшественниками и новых формальных открытий, а можно – с помощью убавления. Вспомним «Черный квадрат» Малевича – это максимальное убавление смысла, сведение его к нулю. Народ все очень четко чувствует! Это только в воспаленном мозгу Константина Эрнста, который возглавляет Первый канал, существует такое мнение, будто пипл все хакает, чего ни дай. Во МХАТе идет моя пьеса «Заложники любви» – там один из героев произносит фразу: «Малевича плохо подделать невозможно!» И зал хохочет. Поскольку все понимают, о чем идет речь. На мой взгляд, литература последнего десятилетия была инструментом удаления из общественного сознания традиционного мышления, национальных архетипов, здравого смысла. Искусство должно снова стать механизмом сохранения, а не разрушения традиций. Силы, способные это сделать, есть, но они оттеснены на периферию литературной, общественной жизни. Однако возвращение их неизбежно, так как периферия – это любые формы модернизма, а реализм, классическое искусство – сердцевина. Кстати, «ЛГ», что была возобновлена Горьким в 1929 году, в тот самый период, когда общество уже устало от революционного искусства разрушения, сбрасывания с парохода. И сегодня вслед за нами другие издания начинают приглашать на свои страницы писателей, которых еще недавно не пригласили бы. Татьяну Доронину вернули в эфир, чему мы поспособствовали. В одном из номеров мы опубликовали без коммен-

тариев два списка: комиссии по Государственным премиям в области литературы и лауреатов за десять лет. Смешно, но списки полностью совпали. Мы добились своего – сегодня введена другая система присуждения этих премий.

– *А к какому направлению вы относите себя – к государственно-патриотическому?*

– Я себя отношу к центристам. Оголтелость и крайность меня всегда смущали. Поэтому, став редактором «Литературной газеты», я вышел из Союза писателей. Вообще писатель должен находиться над схваткой – не так, чтоб ничего не видеть, но быть немного выше.

– *Ваши литературные пристрастия. Кого из современников вы цените, читаете?*

– Про других стараюсь не говорить, поскольку все пишущие относятся к коллегам необъективно, особенно к успешным. И как редактор никогда не опираюсь на личные симпатии и антипатии. Именно это трудней всего было поломать в коллективе – настолько сотрудники привыкли обслуживать своих друзей-приятелей. Мне нравится литература, которая серьезно работает с языком – это Астафьев, Распутин. Из современников я слежу за Пелевиным – на мой взгляд, из модернистов он самый нормальный. Хотя по языку остался на уровне фантастики, с которой начинал. И фамилия у Пелевина настоящая замечательная, особенно для постмодерниста – Нечайка. Зачем он взял псевдоним? Загадка для меня и то, как человек с прекрасной фамилией Запоев стал Кибировым. Глазков отдал бы полпечени за фамилию Запоев. Я слежу за Юрием Козловым, Тимуром Зульфикаровым, Верой Галактионовой, Михаилом Веллером, Валерием Поповым.

– *Нет ли у вас ощущения, что сегодняшний режим – переходного типа – должен рухнуть. И если он не рухнет, то ждет ли нас большая катастрофа?*

– В году девяносто шестом я оказался на пресс-конференции вместе с Дмитрием Язовым, бывшим министром обороны. Потом накрыли стол, мы осели рядом и разговорились. И он сказал: вот вы, молодое поколение, не знаете фронтовой поэзии. Я подумал: ну, тут ты, дядька, попался! Язов был удивлен, что я знаю столько фронтовых стихов, мы начали читать с ним вслух, перехватывая друг у друга, он так расчувствовался, что решил уточнить, кто я такой. Подозвал кого-то, ему шепчут: да это Поляков, мол, тот самый, «Сто дней до приказа»... Язов аж посинел, про стихи забыл, поворачивается ко мне и говорит: «Вот из-за таких, как вы, распался великий Советский Союз!» «А на мой взгляд, Советский Союз распался из-за таких, как вы!», – ответил я. «Почему это?» – возмущается он. «Я вам объясню.

Что я сделал? Я написал повесть об армии, которой вы командовали. Меня даже упрекали в том, что я приукрасил – на самом деле все было хуже. А допустили все это вы. Кроме того, я выступал против распада Союза, выходил на демонстрации, писал статьи. Но что моя статья? А у вас была армия – и если бы вы отдали соответствующий приказ, Советский Союз, по крайней мере, в таком катастрофическом для России варианте не распался бы. Она не потеряла бы все, что приобрела за три века. Чего вы боялись? В тюрьму попасть? Вы все равно в нее попали». «Вы не понимаете, насколько это все сложно!» «А зачем вы тогда шли в эту власть, если не способны были взять на себя ответственность?» Такой был разговор – Язов ушел. Драма заключается, на мой взгляд, в тотальном предательстве в 90-е годы политической элитой национальных и государственных интересов. Нынешние руководители по жизненному, человеческому, профессиональному опыту и политическим взглядам не всегда соответствуют тем задачам, которые стоят перед страной. Если правящая элита, особенно руководители идеологической сферы, а она никуда не исчезла, останутся в своих креслах – общество ждут неминуемые конфликты, противостояния.

– *Не кажется ли вам, что сегодня под видом борьбы с ксенофобией идет борьба с русской традицией?*

– Это есть. Например, по отношению к фигурам общекультурного масштаба, которые являются носителями русского менталитета. Умер великий поэт Юрий Кузнецов, продолжатель классической традиции в поэзии. Газеты и телевидение замолчали его уход. Мы были

вынуждены написать открытое письмо руководителям телевизионных каналов о том, что они не имеют права так поступать. Бродский не мой любимый поэт. Я даже считаю, что он не столько поэт, сколько изощренный филолог, но он крупная фигура – и заслуживает внимания. Мы видели, как его шестидесятипятилетие было отмечено очень широко, даже грандиозно. И слава богу. Но при этом «забыли» стосемидесятипятилетие Лескова, величайшего русского писателя, и столетие Розанова тоже как-то не заметили. Все это наводит на недобрые мысли. Не надо забывать, что восемьдесят три процента многонациональной России – русские. Унижение национального достоинства заметнее и больнее всего в сфере культуры. Надо спокойно, без истерики напоминать: мы – великий народ, и не позволим замалчивать, маргинализировать нашу культуру. Вы телевизионщик и поклонник одесской школы? Нет проблем. Но не за счет русских писателей.

*Подготовил Юрий АСЛАНЬЯН
10 октября 2006 г.*

Поляков сдал мужиков с потрохами!

С писателем Юрием Поляковым я встретила на книжной ярмарке в Пекине. Известный писатель и по совместительству редактор «Литературной газеты» пользовался у китайских читателей бешеной популярностью – там с рекордными тиражами переиздается его книга «Замыслил я побег». Причем автор наивно полагал, что причина его успеха – в сатире на постсоветскую действительность, схожую с тем, что сейчас происходит в Поднебесной. Пока его не просветили: все дело в семейной истории. Уход мужа от жены к любовнице очень актуален для Китая... Честно сказать, я давно хотела задать несколько вопросов под дых этому певцу «мужских побегов» из семьи. Конечно, с одной стороны он сдал нам, бабам, все свое неверное племя с потрохами, создав трилогию «Треугольная жизнь», куда вошли: «Замыслил я побег», «Возвращение блудного мужа» и «Грибной царь». С другой – зачем так умело разжигать в мужиках опасные желания? И я от имени всех баб начала допрос писателя с пристрастием.

О кризисе среднего возраста

– Юрий, ситуация с вашими героями лет этак под пятьдесят очень похожа на истории, которые мы регулярно обсуждаем с подругами. Вот объясните: почему именно тогда, когда у мужика все налаживается и он чего-то в жизни достигает, его вдруг начинает так ломать и колбасить? Он мечется от жены к любовнице, готов все перечеркнуть – и хорошее в том числе. Ну, признавайтесь: что такое с вами в этот период происходит?

– Я же это не придумал! Я это подсмотрел в своих ровесниках. И в самом себе... Думаю, за этим стоят две вещи. Во-первых, ощущение убывающей жизни, уходящей молодости. И иллюзия того, что мой герой называет «сначала жизнью» – возможность сделать еще один виток. А во-вторых – благосостояние. Мужчина в этом возрасте, если он успешен, может удовлетворить любое свое материальное желание. Я знаю людей, которые начинают лихорадочно играть в детские бирюльки, покупать яхты, замки, машины... И на фоне этих возможностей мужик должен мириться с семейной жизнью, доставшейся ему в наследство от времен, когда он еще ничего не мог? Получается жуткий диссонанс.

– Выходит, женщина тоже относится к его материальным желаниям?

– Тут сложнее все. Человек, заработавший много денег, привыкает покупать себе даже не удовольствие, а комфортное состояние. Это начинается с шелковых трусов и заканчивается безумно дорогой моделью машины. И вдруг рядом с ним оказывается женщина, которая продолжает его воспринимать как прежде, существо предыдущего периода, скромное в желаниях, а главное – в возможностях...

– То есть мужчине неприятно, что она помнит его еще не столь успешным?

– А женщине приятно, когда помнят, какой у нее вороний нос был до пластической операции? Бывает по-разному. Не забывайте – люди обладают способностью к развитию. Два молодых, неглупых, обаятельных, во многом схожих человека, связавших свою жизнь в двадцать пять лет, в сорок пять оказываются разными людьми. Потому что один в это время развивался – и социально, и внутренне. А другой или замер, или деградировал. Теософы называют их не проснувшимися.

– Ну, не скажите! Сбегают и от проснувшихся, вполне успешных женщин!

– Гораздо реже. И здесь все не просто. Для одних важнее физиологическая сторона брака, для других – духовная. Для последних жена-ровесница – не катастрофа, наоборот. А вот для «физиологиста» это ужасно – сознавать, что молодая жена твоего бизнес-партнера годится в дочку твоей супруге. И как бы заслуженная половина ни кормила, ни обстирывала, ни заглядывала в глаза, она обречена. Это жестокое время, и оно тем жестче, чем меньше у людей бытовых проблем. Для наших родителей семья была прежде всего ячейкой социального выживания. А когда экономические нити рвутся, пара оказывается беззащитной перед брачной усталостью...

– Ага, по вашему выходит, что если женщина стимулирует мужчину больше зарабатывать, продвигаться по службе, то она готовит себе развод?

– К сожалению, часто да. Я перебираю знакомых политиков, бизнесменов, успешных деятелей культуры. Мало кто из них сохранил первый брак. И откат от этого брака попадает именно на промежуток между сорока и пятьюдесятью годами.

О вреде побегов

– Мы с подругами сначала решили не давать читать ваши книги мужьям. А дочитав, решили – ничего, пусть просвещаются. Ведь все побеги ваших героев заканчиваются печально... Это тоже закон жизни?

– Бывают, конечно, варианты счастливых новых союзов. Но по логике вещей следующий брак должен быть несчастным. Ведь потребительское отношение идет и от молодой женщины. Да, мужчина освежился, сбросил с себя груз прежнего, изветшавшего брака. Но вместе с тем он отбросил и его бескорыстие.

– Ну, не все вторые жены корыстны... Бывает и любовь.

– Бывает. Но сколько она проживет? Побег в чистом виде невозможен. И, уходя, мужчина весь свой диванчик с тараканчиками переносит в новую квартирку. Его раздражает в новой жене абсолютно то же самое. И тогда спрашивается: а на фига было устраивать весь базар-вокзал? Ведь когда расстаются люди состоятельные, эта история может и кровопролитием закончиться. Не случайно же у меня в «Грибном царе» чуть смертоубийство не состоялось.

– Это вы тоже у знакомых подсмотрели?

– В том числе. И если вы поднимите статистику заказных убийств, из них четверть точно связана именно с разделом имущества. Опытные адвокаты первое, что говорят разводящимся супругам: вы охрану наняли? До суда наймите на всякий случай. Потому что этот вопрос гораздо проще решить с помощью киллера, нежели адвоката. Хороший адвокат обеспечит половину, а хороший киллер – все...

– Что же тогда делать женщинам, чтобы удержать мужа?

– Это в каждой семье по-разному. Одно знаю – ни в коем случае нельзя задумавшего побег супруга держать за горло. Потому что, когда к естественной нехватке дыхания добавляется еще, как писал классик, руки у шеи, жесткие как поручни трамвая... Никому не понравится. А уж что делать, женщина должна знать сама. Кого-то надо приводить в себя противоестественной лестью, кого-то – минутами подчеркнутого охлаждения, кого-то сюсюканьем, кого-то заполошным интересом к его деятельности. Но и женщина тоже устает от этих усилий. Изображать на тридцатом году семейной жизни полюбовницу или всерьез интересоваться: как там твоя фирма «Диетические яйца» – может осточертеть. Зато если жена перетерпит – то получит через год-два своего успокоившегося и очень благодарного ей тапочконосца. Как правило, одумавшись, мужья бывают необыкновенно щедры. И покладисты. И потом из них можно вить веревки до глубокой старости.

– Мы вот тут все про желания мужиков... Но ведь и женщине частенько хочется совершить побег...

– Имеет право.

– Но вы в своем «Грибном царе» измену жены описали без всякого сочувствия...

– Да, мне это не нравится. Я ведь выражаю мужскую точку зрения. Романов, где описаны во всех подробностях женские метания, – хоть отбавляй. А переживания мужчины сводятся к игранию желваками. Вот он поиграл желваками и ушел от жены к любовнице. Потом снова поиграл желваками и вернулся от любовницы к жене. И все. А ведь пока он играет желваками, в нем что-то происходит...

О верности партии и жене

– И все же говорят, что измена укрепляет брак...

– Заметьте, не я это сказал. Так думают некоторые мои герои. отождествлять точку зрения героя и автора нельзя.

– Наверное, вы это сейчас говорите для жены... Кстати, как ваша жена смотрит на упорное описание вами побегов и разнообразных подруг? Она пытается просчитать, кто за этим стоит?

– Жена относится к этому плохо. Думаю, я вообще этими сочинениями нанес ей серьезные психические и душевные травмы. В этом жестокость писателя. Неискренний писатель на хрен никому не нужен. Я, когда еще был молодым, понял для себя. Если ты хочешь быть настоящим интересным, то, садясь за письменный стол, должен забыть о двух вещах. Что подумает, прочитав это, твоя жена, и что тебе за это сделает партийная организация.

– Ну, теперь-то парторганизацию можно со счетов сбросить...

– Не скажите! Ей на смену пришла диктатура идейно-художественной группы, к которой ты принадлежишь. И с помощью нынешних литературных премий писателя держат за кадык покруче, чем его держали отдел культуры ЦК партии и Пятое управление КГБ, вместе взятые. Потому что большинство писателей сейчас работают за премии. Премий много, есть большие, по пятьдесят, сто тысяч баксов. И дают их не за художественный уровень, а за верность своей партийно-художественной группе.

– А много таких групп?

– Основные как были, так и остались: либералы-западники и патриоты-ортодоксы. Но есть масса градаций.

– А вы к кому примкнули?

– Ни к кому. Я все эти годы существовал абсолютно автономно. Такое возможно, если ты успешный писатель. У меня выходят книги огромным по нашим временам тиражом. Скажем, за год продано почти сто тридцать тысяч «Грибного царя».

Об институте брака

– Вас послушаешь – что только семье не угрожает! И деньги, и возраст, и усталость друг от друга...

– И еще – сексуальная раскрепощенность общества. Как-то мы сидели в одной компании, и одна милая дама говорит: «Я недавно за границей купила в секс-шопе замечательный вибратор, он такой маленький, как голубиное яйцо с ворсинками, несколько режимов. Просто улетаешь!» Я подумал: боже мой, десять лет назад все провалились бы под стол. А теперь спокойно, по-деловому стали спрашивать: а он на батарейках? А ее муж сидит и благо-склонно кивает... Проблема сексуальной удовлетворенности тоже стала полноправным участником брачной драмы. Есть хорошая поговорка: не дотерпеть – пропасть и перетерпеть – пропасть. Так вот, если сексуальное счастье в браке совсем не имеет значения, это разрушает брак. Но когда этот момент ставится во главу угла, он тоже разрушает. Здесь важна верная пропорция.

– *Вы считаете, сам институт брака пошатнулся?*

– Да, он переживает кризис. Возможно, это связано с постепенной утратой мужчиной его лидирующего положения в обществе, и с возвращением если не в матриархат, то к установлению равновесия между патриархатом и матриархатом. Никто не знает, какие мутации происходят с хомо сапиенс.

– *А вот на западе опять пропагандируют культ семьи...*

– Там у них гораздо более поздние браки: люди идут на это не под влиянием эмоций, а как на достаточно хладнокровную сделку. Кроме того, там суровые законы, и при разводе столько приходится платить... Хотя и за границей все равно стоит проблема принципиально одинокой жизни. Большое количество женщин сегодня не видят в браке необходимости. Зачем? Они рожают вне брака двух детей, пособия на этих детей хватает, чтобы жить. Мы вступили в эпоху кризиса моногамии...

– *Ну, разговоры об этом возникают не в первый раз, а брак пока держится...*

– Да, брак уже пережил несколько кризисов. И может в очередной раз из него выйти. В какой это форме произойдет, я не знаю. Но меня не случайно в последние годы, о чем бы я ни писал, заносит в тему кризиса семьи. Писатель – невольник эпохи, карандаш в ее руках. Значит, здесь действительно что-то происходит...

– *А вы сами прошли через кризис семьи?*

– Конечно. Я женат давно уже, больше тридцати лет.

– *Вы уже вышли из кризиса?*

– Я думаю, что я в нем еще нахожусь... Это тяжело по-человечески, но полезно для писателя...

Беседу вела Наталья БАРАБАШ

«Комсомольская правда», 12 октября 2006 г.

**«Нынешнее поколение литераторов
думает, что оно упало с неба...»
Интернет-конференция в СМІ.ру, 26 ноября 2006 г.**

Эдуард, Воронеж:

– Не кажется ли вам, что тот ритуальный спектакль, что устроили вокруг действительно злодейского убийства Политковской оппозиционные и западные СМИ, а также западные политики, может привести к совершенно чудовищному «смертельному» результату – убийство человека станет удобным рычагом поворота международной политики? А резкая международная реакция будет порождать новые убийства. То есть идет грязная шахматная игра: пешек будут коварно приносить в жертву – вновь и вновь. Такой будет метод международной политтехнологии при участии дешевых киллеров.

– Я никогда не был, что называется, поклонником Анны Политковской, хотя признавал ее энергию, профессионализм. Но получается поразительная вещь – достоянием международной общественности становятся трагедии, происходящие только с журналистами, скажем так, либерального пула, явно придерживающимися прозападных взглядов. Хотя большие неприятности случаются и с журналистами, допустим, государственно-патриотического толка. Вот этот двойной стандарт меня огорчает, потому что, как пелось в советской песне, «каждый человек нам интересен, каждый человек нам дорог», и меня одинаково волнует судьба журналистов и либерального, и патриотического лагеря. Поэтому, глубоко сочувствуя судьбе Анны Политковской, все-таки вот такой перекося я не могу не отметить. И еще мне кажется, ее гибель связана не с ее взглядами, а с той странно-бурной деятельностью, которую она развила в годы чеченской войны... Да, смерть Политковской использовалась, как выражается уважаемый Эдуард, в качестве «метода международной политтехнологии». Широко использовалась. Если мы вспомним, и президенту Путину первый вопрос во время последней «Прямой линии» задали по поводу смерти Политковской. Так что, к сожалению, надо признать, что ее трагическая гибель, западными антироссийски настроенными силами была использована во вред России.

Максим, Москва:

– Как вы думаете, имеет ли право называться **НАСТОЯЩИМ ЖУРНАЛИСТОМ** человек, позволяющий себе устраивать то, что устроила не так давно Евгения Марковна Альбац и ее коллеги из «Новой газеты» в прямом эфире «Эха Москвы»? Я имею ввиду истеричную травлю (трое на одного!) приглашенной в программу журналистки Анны Арутюнян за то, что та несколькими днями ранее написала статью об Анне Политковской, в которой достаточно мягко позволила себе усомниться в журналистских заслугах последней. На ваш взгляд, имеют ли такие люди право выступать от имени всего журналистского сообщества (а именно это они сейчас и делают)? Не слишком ли много они на себя берут?

– К сожалению, у нас есть тип журналистов, которые воспринимают свободу слова односторонне, – они считают, что право высказывать свое мнение есть только у них, а всем остальным они в этом праве отказывают. Это болезнь нашей либеральной журналистики. Точно такая же история на «Эхе Москвы» была с Матвеем Ганапольским, который чуть ли не матом покрыл (мы об этом писали в «Литературной газете») человека, позвонившего во время прямого эфира и высказавшего соображения, Ганапольского не устраивающие. Звонивший был обозван самыми чудовищными словами. Конечно, такие вещи ничего общего с журналистской этикой не имеют. Сам хорошо помню, как на том же «Эхе Москвы» я оказался в одном эфире с Ириной Хакамадой и Сергеем Доренко. Последний, если вы помните, в свое время вел на Первом канале передачу, в которой активно гнобил Лужкова. Так вот, все было хорошо до тех

пор, пока я деликатно не напомнил Хакамаде о ее рекомендации шахтерам собирать грибы и ягоды. После этого вместо интеллигентной женщины в эфире обнаружилась фурия, поддержанная телевизионным киллером Доренко. В результате нормальный обмен мнениями людей, по-разному смотрящих на политическую ситуацию, превратился в самый настоящий «бой без правил». Хотя, справедливости ради хочу заметить, что есть на «Эхе Москвы» и высокопрофессиональные сотрудники. Например, Майя Пешкова или Ксения Ларина, с которыми я всегда с удовольствием беседую в эфире.

Что же касается права таких людей, как Альбац, выступать от лица всего журналистского сообщества, то я не думаю, что у них оно есть. Навешивание всяческих ярлыков является характерной особенностью нашей либеральной журналистики. Консерваторы, к коим я себя смею относить, гораздо терпимее. И я бы не стал говорить, что они слишком много на себя берут. Просто они, как сейчас модно говорить, пытаются позиционировать себя как российскую интеллигенцию. Все остальные, в их представлении, к ней – к интеллигенции – никакого отношения иметь не могут в принципе. На самом же деле надо понимать, что российская интеллигенция – это гораздо более сложный организм, где есть и либеральное, и почвенническое, и центристское, и монархическое, и консервативное направления. Причем, чем дальше от Москвы, тем концентрация либералов среди интеллигенции меньше. «Литературная газета» в свое время с этим столкнулась. Как только в ней в девяносто первом году возобладала либеральная моно-идеология, газета тут же потеряла всех своих региональных читателей, потому что им стало неинтересно. Но сколько я своим друзьям-писателям и журналистам-либералам об этом ни говорил, все без толку.

Светлана, Москва:

– Сейчас многие говорят о том, что в России больше нет реальной оппозиции власти. Скажите, может ли Общественная палата, которую вы представляете, в какой-то мере заполнить опустевшую нишу?

– Мне очень приятно, что почему-то меня в последнее время часто именуют членом Общественной палаты. Видимо, общественность хотела бы меня там видеть, я так это понимаю. Но дело в том, что я не член Общественной палаты, я член двух президентских советов – по правам человека и по культуре, что тоже, считаю, достаточно серьезно. Что касается оппозиции власти. В России журналистика и литература очень часто выполняли функции отсутствующей политической оппозиции или выражали настроения действительно оппозиционной части политического класса, который в силу сложившихся обстоятельств не мог себя так позиционировать. Проще говоря, борьба в двадцатых-тридцатых годах у коммунистов, несмотря на монополию политической власти, все равно шла очень жесткая. И была своя оппозиция, что оборачивалось различными внутрипартийными скандалами и интригами. Большинство писателей и журналистов пострадали впоследствии не за свои литературные грехи, а именно за то, что они были активными участниками и выразителями той или иной политической группы. Например, абсолютно антикоммунистически настроенный и даже имевший в своем послужном списке службу в Белой армии Михаил Булгаков умер своей смертью, а пламенный революционер, работавший активно на органы НКВД, Михаил Кольцов был расстрелян. Ну и так далее, примеров очень много.

Сейчас у нас, я считаю, все-таки постепенно складываются условия формирования и структурирования политической оппозиции. Твердящие о том, что у нас нет политической оппозиции, видимо, вспоминают расстрел Белого дома. Но тогда все претензии не к Путину, а к Ельцину. А нужна ли нам политическая ситуация, следствием которой могут стать такие эксцессы? Я думаю, что не нужна. И я очень надеюсь, кстати говоря, что сейчас вокруг Партии жизни, которая слилась с пенсионерами и т. д., сформируется партия социалистической ориентации. Говорят, вот, мол, у американцев, демократия. Но надо понимать, что у нас совсем

другая политическая история. Ведь не рвут на себе волосы американцы оттого, что они только в тысяча восемьсот шестьдесят пятом году отменили рабство. Французы же не комплексуют из-за того, что они дали избирательные права женщинам только в середине двадцатого века. Они же не объявляют все предшествовавшие этому годы каким-то мрачным средневековьем! У каждого своя политическая и экономическая история. Уверен, страна развивается нормально, причем именно в путинский период. К примеру, во времена Ельцина я со своими политическими взглядами никогда бы не стал главным редактором «Литературной газеты». И никакой вообще газеты. Почему? Потому что как раз тогда, при Ельцине, оппозицию очень здорово прижимали. А сейчас, я считаю, у нас оппозиция более-менее живет, и дай ей бог.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.